
А. Я. Рубинштейн

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОДИНАМИКА
И ЕЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Москва
Институт экономики РАН
2025

Рецензенты:
член-корреспондент, д.э.н. В.С. Автономов,
д.э.н. Л.И. Якобсон, д.э.н. В.Н. Бобков

Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика и ее наследие четверть века спустя (Препринт научного доклада). — М.: ИЭ РАН, 2025. — 64 с.

С позиций современного знания представлен обзорно-критический анализ Концепции экономической социодинамики и ее преемственности в теориях опекаемых благ, гуманитарного сектора экономики, государства и государственного управления, разработанные за последние 25 лет. Наличие в этих теоретических построениях общей логики, в основе которой лежит положение о несводимости общественного интереса к индивидуальным предпочтениям, позволяет рассматривать данную концепцию и ее наследие как комплекс идей, расширяющих границы экономического анализа. Исследование показало также, что ряд теоретических результатов, полученных в период 2000–2025 гг., может иметь более общее научное обоснование, опирающееся на достижения современной философии и социологии, обусловившие авторское введение в научный оборот принципа методологического релятивизма, «уравнивающего в правах» интересы индивидов и автономные интересы государства. Значительная часть работы посвящена результатам, которые в первоначальных версиях этих теорий обнаружены не были. Речь идет о доказательстве необходимости возврата в дефиниции общественных благ к строгой дихотомии (по Самуэльсону) и введения категории «нормативно-общественных благ», свойства неисключаемости и неконкурентности которых приобретаются в процессе целенаправленных действий государства, в предельном случае политики мериторизации частных товаров и услуг. К новым результатам относятся также построение для опекаемых благ модели равновесия, важным следствием которой является обоснование альтернативной экзегетики «треугольника Харбергера», ставшей теоретическим доказательством реабилитации категории бюджетной субсидии и основанием ее параметрической модели. В заключительной части работы представлено принципиально новое направление исследований, продолжающее общую линию и логику КЭС, в котором релятивистская методология и наличие автономного интереса государства позволили определить более общее содержание категории государства и введение его новой парадигмы в форме метасистемы «политическая власть—экономика—гражданское общество», включая измерение социальной структуры государства и ее сбалансированности, обусловивших новый подход к теории государственного управления.

Ключевые слова: методологический релятивизм, опекаемые блага, бюджетная субсидия, государство, власть, экономика, гражданское общество, государственное управление.

Классификация JEL: A14, B53, C43, D 50, D78, H10, H41, H60.

Rubinstein A.Y. Economic sociodynamics and its heritage a quarter of a century later (Preprint of scientific report). — M.: Institute of Economics of the RAS, 2025. — 64 p.

A critical analysis of the Concept of economic sociodynamics and its continuity in the theories of patronized goods, humanitarian sector of economy, state and public administration developed over the last 25 years is presented from the standpoint of modern knowledge. The presence in these theoretical constructions of a common logic, which is based on the position of irreducibility of public interest to individual preferences, allows us to consider this concept and its legacy as a set of ideas that expand the boundaries of economic analysis. The study also showed that a number of theoretical results obtained in the period 2000–2025 can have a more general scientific justification, based on the achievements of modern philosophy and sociology, which led the author to introduce into scientific circulation the principle of methodological relativism, “equalizing in rights” the interests of individuals and autonomous interests of the state. A significant part of the article is devoted to the results that were not found in the initial versions of these theories. It is about the need to return to a strict dichotomy in the definition of public goods (according to Samuelson) and the introduction of the category of “normative-public goods”, the properties of non-excludability and non-concurrence of which are acquired in the process of purposeful actions of the state policy on the meritization of private goods and services, in its limiting case. The new results also include the construction of an equilibrium model for patronized goods under care, an important consequence of which is the justification of an alternative interpretation of the “Harberger triangle”, which became a theoretical proof of the rehabilitative category of budget subsidy and the basis for the construction of its parametric model. The final part of the article presents a fundamentally new direction of research, continuing the general line and logic of the KES, in which methodological relativism and the presence of an autonomous interest of the state allowed us to propose a more general content of the category of the state and formulate its new paradigm in the form of a metasystem “political power-market-civil society”, which created opportunities to measure the structure of the social organization of the state and its balance, which determined the original approach to the theory of public administration.

Keywords: methodological relativism, cared goods, budgetary subsidy, state, power, economy, civil society, public administration.

JEL Classification: A14, B53, C43, D 50, D78, H10, H41, H60.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. На плечах гигантов	7
1.1. Английская традиция	7
1.2. Германская традиция	9
1.3. Философские концепты	10
1.4. Социологические мотивы	12
1.5. Релятивистская методология	14
Глава 2. Теория опекаемых благ	18
2.1. Особенности опекаемых благ	18
2.2. О «новой мериторике»	20
2.3. Общественные блага: дихотомия vs континуум	22
2.4. Модель равновесия для опекаемых благ	25
2.5. Экзегетика «треугольника Харбергера»	27
Глава 3. Гуманитарный сектор экономики	31
3.1. Знание и дилемма общественных благ	32
3.2. Результаты и особенности творческого труда	33
3.3. Финансирование опекаемых благ	34
3.4. Полный бюджетный цикл	36
Глава 4. Экономическая теория государства	39
4.1. Патерналистское государство	39
4.2. Общественный выбор и его пороки	42
4.3. О новой парадигме государства	45
4.4. Индекс социальной организации	47
Вместо заключения	52
Литература	54

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти 100 лет назад, в 1930 г., был создан Институт экономики, в котором 75 лет спустя начал работать я, прийдя в прославленную научную организацию с собственной исследовательской программой. Ее ядром стала Концепция экономической социодинамики (КЭС), созданная в соавторстве с моим близким другом Русланом Гринбергом. В стенах ИЭ РАН и его интеллектуальной среде был решен ряд задач этой программы исследований и разработаны новые теоретические конструкции, ставшие продолжением КЭС, которой в 2025 г. исполняется четверть века.

У меня давно возникло желание взглянуть на историю этих исследований. Однако целью данной работы являются не воспоминания о прошлых достижениях и даже не о встречах с выдающимися российскими и зарубежными учеными, с которыми мы обсуждали нашу теоретическую концепцию. Это попытка посмотреть на пройденный путь с позиций нынешнего времени и сегодняшнего восприятия основных положений как самой КЭС, так и ее наследия, касающегося опекаемых благ, гуманитарного сектора и экономической теории государства. В ее основе желание понять, характерна ли для этих исследований общая логика, позволяющая говорить о формировании особого научного направления.

Первая публикация «Экономической социодинамики», в которой были сформулированы ее самые предварительные положения, состоялась на страницах Российского экономического журнала в феврале 1997 г. (Гринберг, Рубинштейн, 1997). Летом того

же года была проведена презентация КЭС на семинаре в Москве с участием специалистов Венского института высших исследований, экономического факультета Марбургского университета и ученых экономических институтов РАН. Многочисленные рекомендации участников этого обсуждения подтолкнули авторов к дальнейшей работе, результаты которой нашли отражение в российских и зарубежных публикациях (*Гринберг, Рубинштейн, 1998; Grinberg, Rubinstein, 1999*). Датой же рождения КЭС принято считать первое издание монографии «Экономическая социодинамика» в 2000 г.

Тогда, двадцать пять лет назад, эта книга вызвала определенный интерес, о чем свидетельствуют ряд рецензий и многочисленные ссылки в статьях экономистов. Особо следует отметить очень важные для авторов беседы с ведущими российскими учеными — Л.И. Абалкиным, В.Н. Лившицем, В.И. Маевским, В.Л. Макаровым, А.Д. Некипеловым, Н.Я. Петраковым, В.М. Полтеровичем. Благодаря этим откровенным и доброжелательным обсуждениям авторы, с одной стороны, утвердились в правомерности выбранного пути исследований, а с другой — увидев некоторые изъяны разрабатываемой теории, смогли внести ряд серьезных корректив.

Презентация обновленной версии «Экономической социодинамики» состоялась в январе 2001 г. в Калифорнийском университете, где по приглашению М. Интрилигейтора мы выступили с соответствующим докладом на знаменитом Маршак-коллоквиуме (*Grinberg, Rubinstein, 2001*). Последующие встречи и несколько поистине мировоззренческих обсуждений с выдающимися американскими учеными Р. Масгрейвом и К. Эрроу обозначили перспективы дальнейшего развития КЭС.

Интерес к ней со стороны зарубежных коллег побудил издательство «Шпрингер» предложить авторам переиздание «Экономической социодинамики», которое в исправленной и дополненной англоязычной версии увидело свет в Германии и США в 2005 г. (*Grinberg, Rubinstein, 2005*). Три года спустя за эту книгу авторы были удостоены Европейской премии «За вклад в экономические науки» (Брюссель, 2008). Положительные отклики Д. Гэлбрейта, П. Вельфенца, М. Интрилигейтора и Р. Масгрейва на шпрингеровское издание монографии вызвали новый толчок дебатам вокруг КЭС.

При воспоминании о годах исследований в Институте экономики и траектории развития Концепции экономической социодинамики с ее уже немалым «книжным наследием»¹, включая второе и третье, дополненные англоязычные издания (*Grinberg, Rubinstein*, 2005, 2010), а также «Экономику общественных предпочтений» (*Рубинштейн*, 2008) и «Общую теорию опекаемых благ» (*Рубинштейн*, 2024а), приходят разные мысли и, главное, понимание, что многое изменилось и теперь видится совершенно иначе.

С учетом этого построена структура доклада, в четырех главах которого представлен обзорно-критический анализ основных положений КЭС, теорий опекаемых благ и гуманитарного сектора, а также экономической теории государства и государственного управления. Следует специально отметить особый порядок изложения указанных частей работы. Он обусловлен не столько общей экономической логикой, сколько желанием проследить «биографию» КЭС, включая ее наследие, начиная с создания исходной версии «Экономической социодинамики» и заканчивая теоретическими построениями последнего времени. Такой порядок изложения позволил оценить результаты многолетнего исследования с позиций современного знания и сформулировать то, что не было обнаружено в прежних работах.

* * *

С чувством глубокого уважения хочу выразить свою признательность В.М. Полтеровичу, О.И. Ананьину, Р.И. Капелюшникову, И.И. Смотрицкой за многочисленные обсуждения предварительных версий этой важной для меня работы, а также рецензентам доклада — В.С. Автономову, А.И. Якобсону и В.Н. Бобкову за доброжелательную критику, ценные замечания и мудрые советы, которые позволили сделать настоящий доклад лучше исходного замысла.

-
1. См.: «Структура и эволюция социального интереса» (2003), «Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика» (2008), «Рождение теории. Разговоры с известными экономистами» (2010), «Индивидуум & Государство: экономическая дилемма» (2013), «Социальный либерализм» (2016), «Теория опекаемых благ» (2018), «Культурная деятельность в контексте. Экономическая теория, институциональная среда, социологические измерения» (2019), «Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма» (2020), «Театр XXI. Экономика, социология, право» (2022), «Гуманитарный сектор патерналистского государства» (2023), «Общая теория опекаемых благ» (2024).

НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

Экономическая теория неодинаково трактовала активность государства, и к концу XIX столетия обозначились два тренда в интерпретации ее первопричины — общественного интереса. Германская традиция, постулируя интерес общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская же традиция, наоборот, отрицала саму возможность существования общественных интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*)². Став в XX столетии антитезой холизму, методологический индивидуализм занял прочное место в основном русле экономической теории.

1.1. Английская традиция

Ее основу, как известно, составляет классическая политическая экономия А. Смита, с присущей ей индивидуализмом и внутренним экономическим механизмом «невидимой руки» (*Smith*, 1776). Завершающий этап эволюции классической политической экономии представлен в работах Дж.С. Милля, который, отстаивая концепцию индивидуальной свободы в противоположность неогра-

2. Следует обратить внимание на справедливое замечание В. Автономова, который отмечает присутствие в классической политической экономии (*Рикардо, Маркс*) интересов ряда общественных групп (классов), отличных от агрегата индивидуальных предпочтений.

ниченному государственному контролю, внес значительный вклад в философию либерализма (Милль, 2006).

Следует сказать, что в рамках данной традиции после и в результате маржиналистской революции, было успешно решено много непростых вопросов, включая проблемы общественных благ, которые, несмотря на их особые свойства, как было показано, производятся для обеспечения индивидуального спроса (Samuelson, 1954). Это обусловило разработку известной модели равновесия Викселя—Линдаля для общественных товаров, особенностью которой является процедура «вертикального суммирования» (Wicksell, 1896; Lindahl, 1919).

Вместе с тем сегодня ясно, что в рамках позитивистского подхода не решенным оставался один из главных вопросов, связанный с существованием функции общественной полезности, обеспечивающей Парето-эффективное равновесие. В попытках его решения, например, при разработке функции общественного благосостояния Абрама Бергсона, сформировался вывод, что общественная полезность определяется комбинацией индивидуальных предпочтений, в которой в качестве весов выступают ценностные установки (Bergson, 1938). К этому добавлю, что и критерий Парето-эффективности содержит ценностные суждения (Блауг, 2004. С. 207–210).

Иначе говоря, исследования показали, что сам по себе внутренний механизм «невидимой руки» без каких-то экзогенных условий не может обеспечить оптимальное равновесие, превращая функцию социальной (общественной) полезности де-факто в *нормативный* критерий, генерирующий существование множества возможных оптимумов. В сложившейся ситуации вопрос о функции социальной полезности трансформировался в проблему общественного выбора. Но здесь исследователей ждала определенная неудача.

После известной работы Кеннета Эрроу с доказательством невозможности согласования индивидуальных предпочтений, в которой он обобщил «парадокс Кондорсе» (Arrow, 1951), выяснилось, что проблема цикличности никуда не исчезла. Многочисленные попытки обойти «условие диктатора» и преодолеть феномен цикличности в процессе рационального общественного выбора, основанные на использовании различных процедур голосования, т. е. вариантов его организации, особого результата не дали. Общественному

выбору как таковому, как будет показано, «должен предшествовать общественный выбор о том, каким образом этот выбор совершать» (Некипелов, 2023, 2024). В результате отношение экономистов к функции социальной полезности вынужденно изменилось. Стало ясно, что рассуждать о ней имеет смысл лишь с позиций ее нормативного содержания, что, вообще говоря, уже не сильно отличается от холистических представлений, характерных для немецкой альтернативы.

1.2. Германская традиция

В этом направлении экономической мысли главный акцент был сделан на потребностях общества как такового. Здесь можно выделить ряд экономистов конца XIX — начала XX в.: Фридриха Хермана (*Herman*, 1870), Альберта Шеффле (*Schaffle*, 1873) и Карла Менгера (*Menger*, 1923). Несмотря на известные различия их взглядов, главное, в чем они сходились, связано с выделением интереса, присущего совокупности людей в целом.

Шеффле, например, пишет о наличии общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» (*Schaffle*, 1873. S. 113). По мнению же Менгера, «не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития — это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» (*Menger*, 1923. S. 8). Эти слова Менгера стали одним из важнейших подтверждений мировоззренческой парадигмы КЭС, берущей свое начало в известном тезисе — у целого могут быть свои особые свойства, отличные от свойств его частей. Однако не следует забывать и критику категории «общих потребностей», которая относилась в основном к соотношению целого и его частей. Как отмечал Хорст Йехт, «носителем данной потребности всегда является отдельный человек и никогда взятая как целое социальная общность, у которой в отличие от индивида как раз отсутствует способный к переживаниям живой центр» (*Jecht*, 1928. S. 62).

Этот антропологический тезис долгое время оставался в арсенале ряда авторов. Так, один из самых авторитетных исследователей

общественных интересов Ричард Масгрейв не захотел идти дальше явно избыточного упрощения: «...поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы» (*Musgrave*, 1959. P. 87). Немного в другой редакции, но тот же аргумент приводит и Клаус Шмидт, который замечает, что «испытывающее потребности сообщество (коллектив) является мистическим органом» (*Schmidt*, 1964. S. 337). Такое же суждение присутствует и у Пола Самуэльсона: «Я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться пользованием коллективных потребительских благ» (*Samuelson*, 1954. P. 387).

Прошло время, и с позиций современного знания подобные аргументы уже не кажутся столь убедительными. При усложнении связей между людьми сами институты способны генерировать специфические интересы отдельных общностей и общества в целом. С учетом этого не лишним обратить внимание на мнение Хельмута Ритшля, который, признавая наличие интересов общества как такового, акцентирует внимание на феномене их индивидуализации (*Ritschl*, 1925). Такая позиция близка к тезису, что совокупность людей способна генерировать общие потребности, испытывают которые отдельные люди, а не общество в целом, и лишь в той мере, в какой у них присутствует чувство общности.

Именно данная трактовка общественных интересов получила распространение в основном русле экономической теории. Следует отметить также, что тезис Ритшля, созвучный концепциям «рассеянного знания» Фридриха Хайека (*Хайек*, 2001b. С. 51–71, 89–101) и «аутентичного советника» правящей партии Жан-Жака Лаффона (*Лаффон*, 2007. С. 22–23), не отвергает существования интересов общества как такового.

1.3. Философские концепты

XX в. многое изменил. Прежние аргументы «за» и «против», относящиеся к английской и германской традиции, как и дискуссия «индивидуализм vs холизм», утратили свою актуальность. С учетом этого четверть столетия спустя Концепцию экономической социодинамики имеет смысл рассматривать уже сквозь призму мультидисциплинарного подхода и более тонких рассуждений, характер-

ных для современной философии, разделяющей и дополняющей поведение индивидуумов и общества в целом.

В качестве не единичного примера приведу исследование канадского философа и культуролога Чарльза Тейлора. Продемонстрировав один из возможных путей развития методологии социального анализа, он выделил так называемые неразложимо социальные блага, которые в отличие от общественных товаров по природе своей не предназначены для индивидуального потребления (Taylor, 1989; Тейлор, 2001). Однако главным в работе Тейлора, как мне кажется, является даже не результат, а та аргументация, с помощью которой он обосновывается. Речь идет о совершенно ином направлении анализа, опирающемся на методологию австрийского философа Людвиг Витгенштейна, обогатившего современную философию категориями мысли и языка (Витгенштейн, 1994, 2008), и исследования одного из создателей семиотики, швейцарца Фердинанда де Соссюра, продемонстрировавшего фундаментальные различия и циклическую связь между языком и речью (Соссюр, 2000, 2009).

Воспользовавшись понятием Витгенштейна «фоновое пространство значений, существующего вне голов индивидуумов», и распространив его на отношения людей в социуме, Тейлор не только усилил доводы в пользу взаимодополняемости институтов и деятельности индивидуумов, но и, что особенно важно, ввел в научный оборот феномен «общего понимания» — наличие «фоновой основы практик, институтов и представлений», имманентных обществу как социальной целостности (Тейлор, 2001. С. 12)³.

Такой подход обеспечил выход за рамки методологического индивидуализма и создал философскую основу для рассмотрения социума как носителя особых свойств и даже потребностей, которым способны удовлетворять «неразложимо социальные блага». Назвав феномен «общего понимания» культурой и применив подход Ф. де Соссюра к широкому классу социальных явлений, Тейлор определил ее единственного носителя — общество, как таковое.

-
3. Иллюстрируя идеи Л. Витгенштейна, Ч. Тейлор отмечает: «Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются» (Тейлор, 2001. С. 10). Отмечу мировоззренческую близость этого замечания с концепцией «рассеянного знания» Хайека» (Хайек, 2001b) и процессом его проявления (Nonaka, Takeuchi, 1995).

1.4. Социологические мотивы

Итак, индивидуализм или холизм? Начну с методологического индивидуализма. История этого принципа не такая уж и длинная. И хотя, как пишет Марк Блауг, «само выражение «методологический индивидуализм», видимо, было введено Шумпетером в 1908 г.» (Блауг, 2004. С. 100), все же не стоит начинать эту историю с XX столетия. Дело не в термине, а в понятии.

Даже не вспоминая Джереми Бентама — родоначальника «утилитаризма», и его последователя Джона Стюарта Милля с тезисом, что «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное» (Mill, 1914. С. 798), невозможно пройти мимо Кнута Викселя. Ему принадлежит тезис, выражающий суть методологического индивидуализма: «Если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому» (Wicksell, 1958. Рр. 72–118). Абсолютизация этого принципа, как и сам тезис Викселя, вызывает все же определенные сомнения⁴.

В целом же в отношении дискуссии «индивидуализм или холизм» выскажу апостериорный комментарий. Исходя из современной теории и связанного с ней междисциплинарного подхода, следует констатировать, что здесь «прячутся» два вопроса: как общественные интересы связаны с интересами индивидуумов, составляющих общество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи; может ли существовать объективно нейтральный критерий для определения «правильности» одной из альтернативных методологий, возникающих из разных экономических контекстов.

Вопросы эти появились не сегодня и даже не вчера, возвращая исследователя к дискуссии об индивидуализме и холизме, которая в XX столетии развернулась с особой силой, вызвав соответствующий интерес у представителей теоретической социологии. При этом одна из ее особенностей обусловлена тем, что критики холизма не вполне обоснованно стали выводить методологический индивидуализм из того, что общество состоит из людей, их представлений о том, что общественные институты создаются индивидуумами, а социальные

4. Строго говоря, этот тезис Викселя не может служить достаточным основанием для отрицания социальной полезности, ибо при ненулевых полезностях «для каждого отдельного гражданина» общественная полезность может отличаться от любой их комбинации.

целостности представляют собой лишь гипотетические абстракции (Kincaid, 1998. Р. 295).

Однако такой подход был поддержан далеко не всеми. «Люди не создают общество, — пишет британский социолог Рой Бхаскар, — поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» (Bhaskar, 1989. Р. 36). Постепенно главный вектор дискуссии сместился к менее радикальному восприятию индивидуализма.

Швейцарский профессор Бенно Верлен подчеркивает, что «методологический индивидуализм не означает отрицания существования коллективностей и институтов. По мнению ряда авторов не требует он и соглашаться с утверждением, что общество — это не более чем совокупность принадлежащих к нему индивидов, или что общество можно свести к индивидуальной психологии и объяснить его в ее понятиях» (Verlen, 1993. Рр. 22–51; Верлен, 2002). Близких позиций придерживался израильский философ Джозеф Агасси, трактующий методологический индивидуализм в нейтральных и даже примирительных тонах (Agassi, 1960, 1973). Все это указывает на формирование определенного компромисса.

Так, Энтони Гидденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм в противовес структурной социологии, с другой — приходит к выводу, что они не являются альтернативами, такими, что, отрицая одну, мы принимаем другую (Giddens, 1984, 2001). Продолжает эту линию и Рой Бхаскар, полагающий, что социальные отношения совместимы и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями (Бхаскар, 1991).

Примерно таких же взглядов придерживается представитель французской социологии Раймон Будон, который подчеркивает, что методологический индивидуализм является необходимой, но не достаточной предпосылкой исследования общества, требующего обязательного рассмотрения макросоциологических феноменов (Boudon, 1988; Будон, 1999). При этом и он позиционирует себя ближе к «центру», оговаривая, что «уподобление группы индивидууму правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения» (Boudon, 1979).

В этом контексте полезно обратить внимание на работы Мишеля Крозье и Алена Турена, отличительная черта которых — признание двойственности общественной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности (Крозье, 1993. С. 35–43; Touraine, 2005). В методологическом плане исследовательские установки М. Крозье и А. Турена вполне корреспондируют с подходами Э. Гидденса и Р. Бхаскара и, фактически, базируются на синтезе микро- и макросоциологических подходов, на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора первоосновы.

В качестве итога этого краткого анализа можно сделать вывод, что обозначенные философские концепции и результаты теоретической социологии свидетельствуют, по-видимому, о наличии у авторов представленных исследований общего ответа на сформулированный выше второй вопрос. Судя по всему, сама логика и результаты их рассуждений опираются на внутреннюю установку об отсутствии объективного критерия для выбора «правильной» методологии. Не требуя приверженности ни английской, ни немецкой традиции, современное понимание поведения индивидуумов и государства, их взаимодействий в социуме создает серьезные предпосылки для завершения дискуссии «индивидуализм vs холизм». Речь идет о введении в экономическую теорию нового принципа, «уравнивающего в правах» индивидуальные предпочтения и интересы государства, который я посчитал возможным назвать «методологический релятивизм». Здесь нужно сделать небольшое отступление.

1.5. Релятивистская методология

Теоретическое описание «релятивистской методологии» — непростая задача, хотя бы потому, что сама категория «релятивизм» не представляет собой единую философскую концепцию. Это не одна, а несколько относительно разных доктрин, объединенных в основном тем, от чего они отказываются — абсолютизм, универсализм и монизм, а не тем, что они поддерживают. Рассматривая историю релятивизма, начиная от Протагора, Аристотеля и Платона, а затем Монтеня, Канта, Ницше и современных философов XX и XXI столетия, нетрудно увидеть переплетение принципиальных разных

положений. И, как замечает ирландский философ Мария Баграмян в работе «Многоликость релятивизма», участники дискуссий на темы релятивизма не имеют «четких представлений о том, что именно они обсуждают» (Baghramian, 2004. P. 1). Не вполне соглашаясь со столь строгим вердиктом, выделяю четыре относительно самостоятельных и несильно пересекающихся вида релятивизма, оказавших в последние десятилетия наибольшее влияние в академической среде.

Культурный релятивизм — определил во многом этические и политические взгляды многих исследователей. Его ключевой позицией является положение о том, что не может быть культурно-нейтральных критериев, обеспечивающих определение правильного выбора для конфликтующих утверждений, возникающих в условиях *разных* культурных контекстов. Особенностью культурного релятивизма является его разделение на моральный и когнитивный (Westermarck, 1912, Baghramian, 2004).

Концептуальный релятивизм — это, с одной стороны, более узкая, с другой — более общая форма релятивизма, которая относится к концептуальным схемам, научным парадигмам или методологиям. Кроме общего положения, что не существует универсальных критериев для решения вопроса, какая концептуальная схема более уместна, его принципиальная особенность заключается в том, что человеческий разум играет активную роль в формировании «реальности» (Putnam, 1987). Относится это и контекстам, формирующим альтернативные утверждения.

Социальный конструктивизм — еще одна форма релятивизма, содержание которого базируется на утверждении, что различные социальные условия определяют построение различных «миров» и не существует нейтрального критерия для суждения, какой из них более полезен. Конструктивистский подход, в частности, релятивизирует научное знание в той мере, в какой он утверждает, что различные социальные и концептуальные условия могут приводить к построению разных систем знания. Это «контекстуально специфические конструкции, которые несут на себе отпечаток ситуативной обусловленности и структуры интересов в ходе процесса их создания» (Knorr-Cetina, 1984. S. 226).

Постмодернизм, также несущий в себе релятивистские особенности, в своей крайней форме постулирует, что истина не явля-

ется объективным и независимым от разума свойством, которое можно выявить, но создается посредством социальных взаимодействий (Rorty, 1982. Р. 5). Более того, по мнению французского философа Мишеля Фуко, все претензии на знание и истину являются замаскированными властными отношениями. С 1980-х гг. постмодернизм стал доминирующим теоретическим подходом в теоретической социологии, социальной антропологии и культурных исследованиях.

Что же объединяет, на мой взгляд, различные формы релятивизма и, главное, почему ряд положений этой философской доктрины стал для меня важным этапом многолетнего исследования экономических методологий, основанных на индивидуализме и холизме? Четверть века спустя и в результате более подробного знакомства с философской литературой, посвященной релятивизму, я осознал *достаточность* двух, очень близких мне принципов. Речь идет о том, что не может быть объективно нейтральных критериев выбора между конфликтующими альтернативами и что сами они возникают в условиях разных контекстов — в нашем случае, английской и германской традиций, в формировании которых главную роль играет человеческий разум. И в этом смысле «руководность» концепций индивидуализма и холизма обуславливает их равноправие.

Использование указанных двух принципов при подведении итогов рассмотренной дискуссии «индивидуализм—холизм» раскрывает основной замысел первой части работы. Сделаю еще одно замечание. Представленный анализ, с одной стороны, направлен на обоснование правомерности и даже целесообразности введения принципа методологического релятивизма, с другой — его применение в экономическом анализе я рассматриваю в ряду новых результатов своего исследования, сформировавшихся в процессе изучения развития КЭС и ее наследия через «увеличительное стекло» современного знания.

Следует подчеркнуть также, что, утрачивая статус «единственно правильных», индивидуализм и холизм сохраняют свой смысл и значение, но только в рамках определенных контекстов и, отмечу особо, строгих ограничений использования соответствующих методологий. Так, основой экономического анализа множества частных товаров и услуг, обладающих исключительно индивидуаль-

ной полезностью, остается принцип методологического индивидуализма. Анализ же совокупности благ, имеющих лишь социальную полезность, например, «неразложимо социальных благ» (по Тейлору), требует холистической методологии. Относится данное заключение и к *релятивистской методологии*, для использования которой также характерны свои ограничения, связанные со способностью соответствующих товаров и услуг удовлетворять потребности индивидуумов и государства, — наличие у этих благ индивидуальной и социальной полезности.

С учетом использования этой методологии уместно обсуждать и вопросы создания нового подхода к изучению той части экономики, где в финансировании производства товаров и услуг участвует государство. Но дело не только и даже не столько в тематике общественных финансов. Методологический релятивизм по сути своей является «мостом» между пространством позитивистской концепции маржинализма и нормативными интересами (установками) общества, предоставляющим возможность теоретического описания феномена «общественной опеки» товаров и услуг, обладающих индивидуальной и социальной полезностью.

ТЕОРИЯ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ

Выделение класса опекаемых благ, опирающееся на антимо-нистическое положение о существовании интересов общества, *несводимых* к индивидуальным предпочтениям, и релятивистскую методологию, обусловило новый этап в развитии данной концепции. Обсуждая мотивы выделения опекаемых благ, приведу слова Ричарда Масгрейва о его намерении «имплантировать общественный сектор в тело теоретического анализа»⁵. Примерно такую же цель преследовал и я, но не в ограниченном пространстве общественного сектора, а применительно к любым товарам и услугам, имеющим индивидуальную и социальную полезность и находящимся под опекой государства.

2.1. Особенности опекаемых благ

В каждой исторической эпохе и во многих странах существовали различные виды опекаемых благ: вспомним, к примеру, «хлеба и зрелищ» в античные времена, продовольственные карточки Второй мировой войны, тропические фрукты в Скандинавских странах в наше время. Можно привести и немало других примеров и многие исследователи задаются вопросом, почему государство расходует весьма значительные средства на финансирование продуктов

5. Полный перевод текста Р. Масгрейва опубликован в моей книге «Рождение теории. Разговоры с известными экономистами» (Рубинштейн, 2010).

научной деятельности, услуг образования и здравоохранения, произведений искусства.

Более четверти века назад такой же вопрос возник и у меня. Размышляя на эту тему, я задавал его ведущим российским и зарубежным ученым — А. Некипелову, Н. Петракову, В. Полтеровичу, У. Баумолю, М. Блаугу, М. Интрилигейтору, Р. Масгрейву, Б. Фелдшеру, К. Эрроу и многим другим специалистам⁶. Их всегда интересные и заслуживавшие пристального внимания ответы, носившие все же по преимуществу частный характер, подталкивали к поиску общего понимания данного феномена. Замечу также, что будучи предметом исследований многих экономистов, опекаемые блага в том или ином виде входят в различные теоретические построения.

Занимаясь подготовкой настоящего доклада, я пришел к выводу, что в данном сегменте теоретической экономики особых изменений не произошло. Как и раньше, привычным является вмешательство государства в ситуациях провалов рынка, в том числе из-за наличия монополии, отрицательных и положительных экстерналий⁷, информационной асимметрии и т.п. Вполне очевидно, что продукты, генерирующие рыночные провалы и вызывающие государственную активность, направленную на их устранение, можно отнести к классу опекаемых благ, но также ясно, что вся совокупность этих особых товаров и услуг не может быть сведена к изъясам рыночной экономики.

Еще одна попытка ответа на поставленный вопрос связана с выделением и теоретическим описанием одной из разновидностей опекаемых благ — общественных товаров, чьи особые свойства (неисключаемости и несоперничества) определяют мотивацию государственной активности. Указанные обстоятельства, собственно, и побуждают государство брать на себя поставку общественных благ. Однако и в данном случае даже самая широкая трактовка общественных товаров не позволяет «втиснуть» в эту группу другие виды опекаемых благ, например, такие продукты бюджетной сферы, как образовательные услуги или социальное обеспечение.

-
6. Беседы с большинством из них опубликованы в уже упоминавшейся книге «Рождение теории. Разговоры с известными экономистами» (Рубинштейн, 2010).
 7. Включая продукты «баумоловской экономики», где при позитивных экстерналиях эффектах издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт (Baumol, Bowen, 1966).

Почти такая же ситуация характерна и для мериторных благ, к которым, согласно Масгрейву, относятся товары и услуги, спрос на которые со стороны частных лиц отличается от спроса общества, соответствующего его нормативным установкам (Musgrave, 1959, 1996). При этом цель опеки состоит в коррекции поведения индивидуумов в сторону их «правильного» выбора (Musgrave, 1974. S. 10). Нетрудно найти примеры разных мериторных благ, но невозможно все виды опекаемых благ описать только с помощью мериторики. Достаточно назвать инновационные продукты и результаты «шумпетерианской экономики», обеспечивающие стабильный экономический рост (Нельсон, Уинтер, 2002).

2.2. О «новой мериторике»

Надо сказать, что в рамках мейнстрима мериторика так и не получила общего признания. Одним из аргументов неприятия этой концепции был справедливый упрек в незнании государством «истинных предпочтений» индивидуумов, которые оно стремится реализовать. Мне представляется, что это, действительно, ахиллесова пята мериторики, которую ее создатель Ричард Масгрейв позиционировал в качестве одного из направлений стандартной теории, опирающейся на методологический индивидуализм.

С релятивистских же позиций не кажется убедительной и аргументация Джеймса Бьюкенена, который считал, что индивидуумов следует рассматривать как единственный и даже «исключительный источник оценок». В этом же ряду находятся попытки Дж. Хеда примирить мериторику с методологическим индивидуализмом и анализ М. Титцеля и К. Мюллера, оспаривающих Хеда, да и сама мериторика Масгрейва базируется на предположении о наличии двух систем индивидуальных предпочтений. И как бы исследователи ни выстраивали их иерархию (Thaler, Shefrin, 1981), речь всегда идет о двойственности предпочтений, об *истинных* и *ложных* предпочтениях индивидуумов.

Другими словами, уверенность в том, что любая общественная потребность может быть представлена в виде перехода от ложных к истинным индивидуальным предпочтениям, порождает куда более «греховное» допущение неединственности функции полезности индивидуумов. В этой ситуации фактические предпочтения

оказываются всегда ложными, а истинные предпочтения имеют исключительно «рефлексивный характер» (Brennan, Lomasky, 1983), и о них государство «может иметь лишь смутные представления» (Schmidt, 1988. S. 384). Вот тогда-то и приходится поворачивать вспять и мириться с тем, что индивидуумы не являются «исключительным источником оценок». Ибо для того, чтобы понять, какие из индивидуальных предпочтений являются искаженными, нужно иметь другой источник оценок. Очевидно, что здесь круг замыкается весьма неприятной логической петлей.

Исходя из современного понимания, могу утверждать, что негативные аспекты мериторики в большей степени относятся не к самой концепции, а к прежней интерпретации данной теории, попыткам ее строго индивидуалистического оправдания, традицию которых заложил сам Масгрейв. Думаю сегодня уже можно сказать, что сформулированная им исходная дилемма между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов, по существу, сама ложна. Вслед за релятивистским утверждением Парето повторю, что каждый человек является наилучшим судьей своего благосостояния. В этом смысле предпочтения индивидуумов всегда истинны. И как гласит один из принципов римского частного права, желание не может быть признано несправедливым — *«volenti non fit iniuria»*.

После многих бесед с Масгрейвом и спустя прошедшие годы, я убедился, что с мериторикой этого выдающегося экономиста связана совершенно иная проблема, обусловленная самой природой государственной активности. Я исхожу из того, что у государства в соответствии с методологическим релятивизмом есть свой автономный интерес, который не может быть представлен в виде рыночного агрегата индивидуальных предпочтений.

В этом смысле релятивистская методология создает хорошие предпосылки для формирования «Новой теории мериторных благ» (Рубинштейн, 2024а). Дело в том, что институциональная среда не всегда позволяет индивидуумам «видеть» выгоды от потребления определенных товаров и услуг, порождая интерес общества, реализуемый посредством *мериторизации частных благ*. Здесь также надо сделать небольшое отступление.

2.3. Общественные блага: дихотомия vs континуум

Приведу два известных высказывания, характеризующих содержательно разные контексты. Так, Дэвид Юм обратил внимание на то, «что два соседа могут согласиться осушить поле, но тысяча людей не могут этого сделать, так как каждый будет пытаться переложить все бремя на других» (*Musgrave*, 1996. Р. 145; Юм, 2022). Йозеф Шумпетер обозначил иной феномен: «...мы не имеем в виду одно и то же, когда говорим об «общественном благе», просто потому, что наши культурные воззрения, опираясь на которые должно определяться общественное благо, в каждом конкретном случае безнадежно расходятся» (*Шумпетер*, 2001).

В этих формулировках мыслителей разных эпох нашли отражение принципиально отличающиеся подходы к определению общественных товаров. В первом случае в качестве их признаков выступают *особенности потребления* коллективных благ (по Юму). Во втором — речь идет об *особенностях понимания* самой категории этих благ, его зависимости от «культурных воззрений» (по Шумпетеру).

В классическом определении общественных благ (*Samuelson*, 1954. Р. 387) выделяют два главных признака: четкую дихотомию общественных и частных благ, а также одновременность потребления этих особых благ более чем одним индивидом. Масгрейв же, ориентируясь на проблемы общественных финансов, отвергал такую дихотомию и отказывался от принципа одновременности потребления общественных товаров. Причем с момента введения в научный оборот свойства несоперничества (*Musgrave* 1983. Р. 151. Note 48), сами понятия «соперничество», «несоперничество», став вариативными, ранжируются от полного соперничества до полного несоперничества.

В итоге в противовес дефиниции Самуэльсона, в мейнстриме получил распространение принцип континуума (*Musgrave*, 1959, 1969)⁸. И я вынужден констатировать, что однозначности в определении общественных благ, к сожалению, нет. Полагая, что свойства

8. М. Пиккард на 58-м конгрессе Международного института общественных финансов представил специальный доклад «Пятидесятилетие спустя «Чистой теории общественных расходов» Самуэльсона: с чем мы остались?» (Хельсинки, 26–29 августа, 2002). Подробнее см.: (*Рубинштейн*, 2024а).

неисключаемости и несоперничества могут проявляться в разной степени и четкой границы между частными и общественными благами не существует, ряд экономистов допускают возможность существования различных видов общественных благ, в форме их своеобразных «кентавров».

Речь идет о *чисто общественных благах*, удовлетворяющих двум условиям — неисключаемости и несоперничества в потреблении (Стиглиц, 1997. С. 121), или, в иной версии, когда «оба свойства присущи в высокой степени» (Якобсон, 2000. С. 41), и о *смешанных общественных благах*, когда «хотя бы одно из свойств выражено в умеренной степени» (Якобсон, 1996. С. 42). Используя категорию чисто общественных благ, удовлетворяющих двум указанным свойствам, Стиглиц и Аткинсон также отмечают, что «многие товары имеют одно или другое свойство в разной степени» (Стиглиц, 1997. С. 124; Аткинсон, Стиглиц, 1995. С. 654). Встречается и понятие *квазиобщественных товаров*, которые «хотя бы отчасти носят общественный характер» (Блауг, 1994. С. 550).

Полагаю, что «чистые» и разного рода «смешанные блага» не являются достижением экономической теории и, скорее всего, указывают на ее «уступки» из-за нерешенности ряда проблем. Исходя из теории опекаемых благ, опирающейся на релятивистскую методологию и политику мериторизации, можно с иных позиций рассмотреть дискуссию Самуэльсона и Масгрейва в отношении дихотомии и континуума общественных товаров и услуг.

Начну с того, что в зависимости от нормативных установок, обусловленных стремлением государства расширить доступность соответствующих товаров и услуг, степень мериторизации может увеличиваться. Следует особо выделить предельный случай, когда государство, стремясь максимально увеличить потребление некоторых благ, создает *специальные условия* для обеспечения их полной доступности. В этой ситуации указанные товары и услуги трансформируются в «*нормативно-общественные блага*» (Рубинштейн, 2024а).

Используя предложенную дефиницию, следует подчеркнуть, что в отличие от классических общественных товаров, неделимых по своей природе и исходно обладающих свойствами неисключаемости и несоперничества в потреблении, нормативно-обществен-

ные блага, оставаясь делимыми, указанные свойства приобретают в результате мериторных действий государства, направленных на достижение соответствующих целевых установок общества, формируемых политической системой. В общем виде этот процесс можно представить в виде последовательной цепочки мериторизации изначально частного блага (рис. 1).

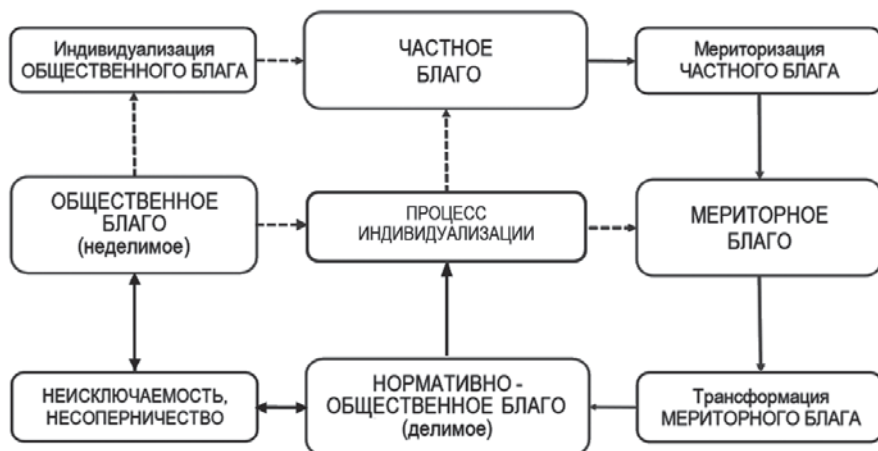

Рис. 1. Общая схема трансформации блага

Мериторные, нормативно-общественные и классические общественные блага в результате утраты их социальной полезности и прекращения государственного финансирования трансформируются в обычные частные блага. Что же касается индивидуализации общественных товаров и, наоборот, трансформации нормативно-общественных благ в классические общественные, то здесь необходимо осуществление специальных мер.

Описание общего процесса трансформации позволяет утверждать, что вся совокупность товаров и услуг может быть разбита на четыре группы: *частные, мериторные, нормативно-общественные и классические общественные блага*. Нетрудно понять также, что в этом случае исчезает сомнительная практика выделения различных видов смешанных товаров и услуг. Они полностью входят в группу мериторных благ, являющихся делимыми и обладающих индивидуальной и социальной полезностью. Дополняют частные и мериторные блага классические общественные и нормативно-

общественные блага с исходно присущими или приобретенными свойствами неисключаемости и несоперничества в потреблении. Этот важный вывод, вносящий определенные коррективы в теорию общественных товаров, я также отношу к новым результатам исследования.

2.4. Модель равновесия для опекаемых благ

Следует отметить, что релятивистская методология стала в том числе платформой для теоретического описания возможности объединения неоклассического позитивизма с нормативными интересами государства, посредством построения соответствующей модели равновесия, учитывающей индивидуальную и социальную полезность опекаемых благ. Не повторяя выкладки, которые впервые были представлены при обосновании данной модели (Рубинштейн, 2009b), обозначу два разных интереса в виде функций полезности U_I и U_N . Один из них представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом «невидимой руки» в интерес «мегаиндивидуума»: $U_I = f(U_1, U_2, \dots, U_n)$, где U_i — функция полезности i -го индивидуума. Другой — нормативный интерес U_N , формируемый в границах и посредством политической системы.

При этом всякий нормативный интерес U_N может быть выражен без ограничения общности в виде потребности государства в увеличении объема производства некоего блага G по отношению к той величине, которая соответствует стандартному рыночному равновесию, т. е. равенству предложения и индивидуального спроса на это благо. Иначе говоря, интерес U_N проявляется в форме дополнительного спроса, предъявляемого государством в отношении этого же блага G , являющегося объектом общественной опеки.

При реализации интереса U_N , т. е. при производстве и потреблении блага G в объеме G_N , наблюдаются два результата: наряду с удовлетворением потребностей индивидуумов имеет место и достижение интересов их совокупности в целом. Это означает, что общий объем опекаемого блага входит одновременно в одинаковом количестве в рыночный агрегат функций полезности мегаиндивидуума и функцию полезности государства. Без потребления блага G индивидуумами не может удовлетворяться нормативный интерес

государства, и чем в большей степени он реализуется, тем больше достается индивидуумам.

Как было доказано в статье 2009 г., опекаемое благо G в этом случае проявляет два известных свойства — неисключаемости и несоперничества (Рубинштейн, 2009а). Иначе говоря, оно превращается в общественный товар, который мегаиндивидуум и государство потребляют совместно и в равном количестве. Общий вывод может быть сформулирован в следующей важной Лемме: «Если индивидуумы из множества N имеют предпочтения $U_1, U_2, \dots, U_n$ в отношении частного товара G и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U_1, U_2, \dots, U_n)$ дополняет нормативный интерес общества U_m в отношении этого же блага, то само благо G приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(G)$ и $U_m(G)$ » (Рубинштейн, 2024а. С. 192).

Размышляя о равновесии с учетом интересов индивидуумов и государства, нетрудно понять, что построение соответствующей модели сопряжено с определением величины совокупного спроса на опекаемое благо. При этом очевидно, что неоднородность интересов мегаиндивидуума и государства не допускает простого суммирования объемов потребления опекаемого блага участниками этой пары. Выход из создавшейся ситуации подсказывает приведенная выше лемма. Из нее непосредственно вытекает возможность модификации известной модели равновесия Векселя—Линдаля для общественных товаров с характерным для нее *вертикальным суммированием* функций спроса (Lindahl, 1967), но применительно ко всему классу опекаемых благ.

И в данном случае, не повторяя весь ход теоретических рассуждений, подчеркну главное — устанавливаемые государством объем опекаемого блага G_N и цена P_N , по которой оно оплачивает достижение своего интереса U_N , зависят от цены P_r , по которой мегаиндивидуум готов приобретать этот суммарный объем данного блага. Легко заметить, что такая модификация базовой модели не меняет общего вывода: совокупный спрос в этой модели определяется путем *вертикального* суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и государства, а Парето-эффективное равновесие для данной пары игроков,

имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага G_N , реализуется в форме равновесия Викселля—Линдаля.

Этот вывод дает основание для следующего заключения — возникновение нормативного интереса государства U_N в отношении любого частного блага G , которое индивиды приобретали в разных количествах, но по единой цене p , порождает мутацию этого блага и приводит к инверсии его равновесных цен и количества: мегаиндивидум и государство приобретают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве G_N , но по разным ценам P_I и P_N .

Следует подчеркнуть также, что в предложенной модификации модели Викселля—Линдаля (Рубинштейн, 2024а. С. 190–195) цены равновесия имеют разную природу. В основе персонифицированной цены мегаиндивидума P_I лежит предельная индивидуальная полезность частного блага G ; цена, оплачиваемая государством, — P_N , также соответствует предельной, но уже социальной полезности опекаемого блага G и отражает ту часть его бюджетных ресурсов, которая расходуется на реализацию социального интереса U_N . Иначе говоря, равновесие достигается тогда, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага:

$$MC_R = MU_I + MU_S. \quad (1)$$

2.5. Экзегетика «треугольника Харбергера»

Одним из главных инструментов мериторизации частных товаров и услуг (в общем случае опекаемых благ) являются бюджетные субсидии, методология и практика определения которых почти не изменилась. Не будет преувеличением и общая констатация, что в основном русле экономической теории субсидия осталась неопределенной категорией, а в практике органов власти, финансирующих опекаемые блага, бытует термин «поддержка», несущий в себе никак не свойственные государству черты благотворительности. Способствует этому и «застывший» в модели равновесия частных благ «треугольник Харбергера», который толкуется в качестве «чистых потерь» (Harberger, 1964; Hines, 1999).

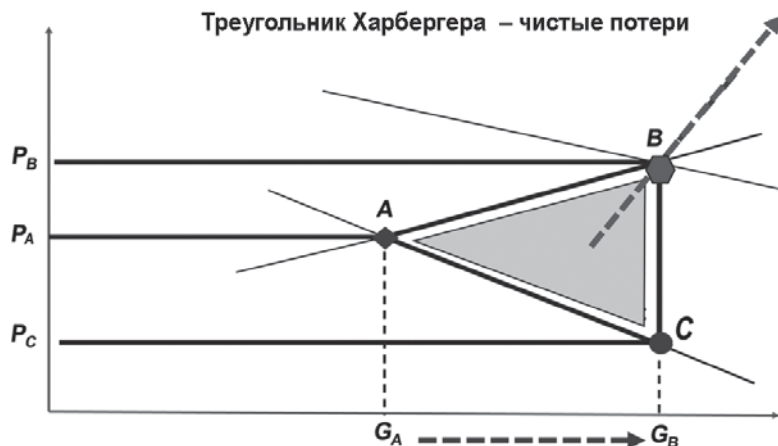

Рис. 2. «Треугольник Харбергера»

Такая экзегетика основана на использовании стандартной модели равновесия частных благ (рис. 2). В ней выигрыш производителей в результате субсидирования роста объема производства блага равен площади четырехугольника $\{P_A, P_B, B, A\}$; выигрыш потребителей в результате снижения цен при данном субсидировании — площади четырехугольника $\{P_A, A, C, P_C\}$. Разность между расходами бюджета $\{P_C, C, B, P_B\}$ и общим выигрышем производителей и потребителей равна площади треугольника $\{A, B, C\}$, который обычно интерпретируется в качестве «чистых потерь».

Подобный вердикт вызывает ряд теоретических вопросов. Сформулирую некоторые из них. Каковы экономические причины предоставления субсидий производителям определенных товаров и услуг? Из каких соображений, исключая не свойственную ему благотворительность, государство тратит бюджетные средства? Если предположить, что причины подобных расходов кроются в нормативных интересах государства, то могут ли они быть отражены в неоклассической модели равновесия? Допуская, что такие интересы существуют и они связаны с установкой на увеличение доступности некоторых благ, то в этом случае они должны соответствовать определенным потребностям государства, что обуславливает наличие их социальной полезности.

Однако такие товары и услуги, как было показано, должны принадлежать одной из групп мериторных или нормативно-

общественных, или классических общественных благ, к которым никак не может быть применена модель равновесия для частных товаров и услуг, не имеющих социальной полезности. Этот вывод заставляет думать об ошибочности распространенного толкования «треугольника Харбергера». В сложившейся ситуации экзегетика Харбергера напоминает известные поиски в темной комнате кошки, которой там нет.

Для корректной трактовки «треугольника Харбергера» необходимо в соответствии с релятивистской методологией использовать модель равновесия для опекаемых благ, имеющих по определению индивидуальную и социальную полезность, учитывающую тем самым интересы государства, с которыми непосредственно связана бюджетная субсидия (рис. 3).

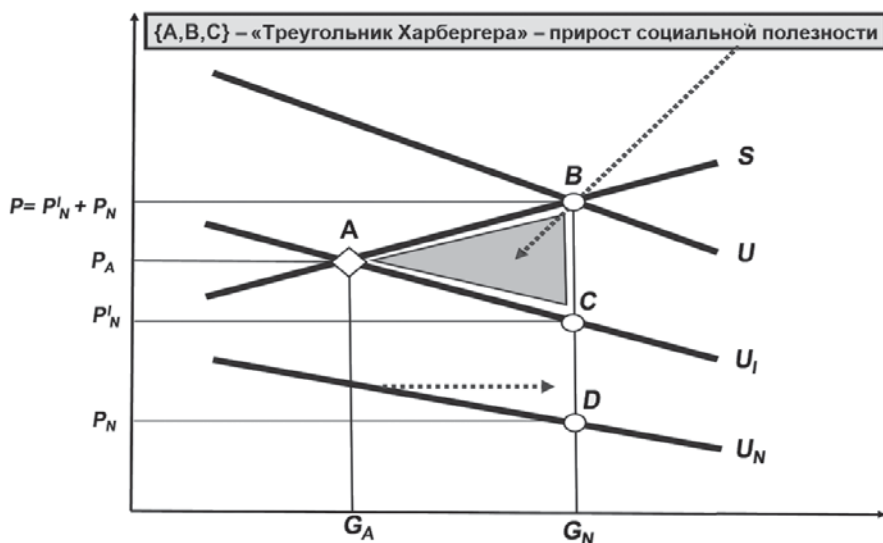

Рис. 3. Равновесие Викселя—Линдаля для опекаемого блага

Анализ указанной модели равновесия свидетельствует, что площадь «треугольника Харбергера», равная разности между площадью прямоугольника $\{P_N^I, C, B, P\}$ — объем бюджетной субсидии, и суммой площадей прямоугольников выигрышей потребителей $\{P_N^I, C, A, P_A\}$ и производителей $\{P_A, A, B, P\}$, в результате увеличенного объема производства опекаемых благ с G_A до G_N , представляет

собой величину отдачи от инвестиций в опекаемые блага — прирост их социальной полезности, который с успехом обнаруживает указанная модель.

Случилось так, что этот опять же новый и важный для меня результат исследования модели равновесия для опекаемых благ, включая обоснование такой категории, как консолидированный доход (Рубинштейн, 2022. С. 159–163), о котором речь пойдет дальше, отодвинул на второй план одно из самых интересных следствий данной модели, представляющее собой ни много ни мало *теоретическую реабилитацию* категории бюджетной субсидии.

Пусть с некоторым опозданием, но произошло то, о чем, вообще говоря, я не думал — изыскания в области экономической теории счастливым образом объединились с другим направлением моих исследований в Институте экономики. Речь идет об экономике науки, образования, культуры и здравоохранения. Одной из главных задач здесь всегда было обоснование объемов государственного финансирования в форме дотаций, а позже — бюджетных субсидий⁹. И все попытки решения этой непростой задачи постоянно наталкивались на довод о «чистых потерях» — главный аргумент неоклассической трактовки государственного финансирования «планово-убыточных организаций»

Возвращение к теме «чистых потерь» и размышлениям о принципиально новом содержании «треугольника Харбергера» в обобщенной модели равновесия для опекаемых благ подтолкнуло меня к другому выводу: внутри класса опекаемых благ существует особая группа товаров и услуг, для которых указанная проблема имеет первостепенное значение. Речь идет о товарах и услугах, которые производятся в сферах науки, культуры, образования и медицины. Так, экономическая теория гуманитарного сектора стала «внучатым» продолжением КЭС.

9. Эту проблему более пятидесяти лет назад мне, тогда еще студенту последнего курса мехмата, обозначил руководитель планово-финансового управления Министерства культуры РФ Борис Юрьевич Сорочкин. Я всегда буду помнить этого прекрасного и мудрого человека, который фактически определил мою научную судьбу. Более того, может показаться неправдоподобным, но мои последующие исследования в области теоретической экономики и социологии начинались с попыток найти научное решение проблемы финансирования культурных благ.

ГУМАНИТАРНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Начну с названия «гуманитарный сектор» (Рубинштейн, 2019), в состав которого включена совокупность объектов, чья деятельность обеспечивает основную часть производства продуктов науки, образования, культуры и медицины. Его история началась много лет назад, когда в 1937 году будущий создатель теории общественных финансов Ричард Масгрейв, опираясь на немецкую традицию, использовал в своей диссертации название «общественное хозяйство» (*Musgrave*, 1937). И, как мне рассказывал сам автор шестьдесят лет спустя, он с единых позиций наряду с другими благами рассматривал в «общественном хозяйстве» производство продуктов образования и медицины (Рубинштейн, 2009с. С. 98–109; Рубинштейн, 2010. С. 89–97). Оказалось, однако, что предложенное в работе 1937 г. определение у его коллег поддержки не получило. Вообще говоря, и многие годы спустя сложно найти какую-то дефиницию для сектора экономики, взгляды на состав которого постоянно менялись — от образования, медицины и социального обеспечения до более широких представлений, включающих фундаментальную науку, культуру, спорт и т. п.

На этом фоне опубликованная в 2023 г. монография «Гуманитарный сектор патерналистского государства» стала первым изложением общего подхода к его экономике, разработанного в процессе развития КЭС и теории опекаемых благ с использованием релятивистской методологии. Синтез фрагментированных представлений о различных видах интеллектуальной деятельности

стал важным этапом превращения чисто интуитивных мыслей о генетическом родстве науки, образования, культуры и медицины в научный факт.

3.1. Знание и дилемма общественных благ

Нельзя не сказать о мотивации, которая подталкивала к объединению в одном секторе деятельности людей в этих, казалось бы, очень разных сферах. Потребовалось время и многое нужно было пересмотреть, чтобы разглядеть кажущееся теперь простым смысловое сходство. Речь идет о *творческом характере труда* ученых, преподавателей, работников культуры и медиков, об их интеллектуальной деятельности в познании окружающего мира. Ключевым словом здесь является «познание», которое ассоциируется часто лишь с наукой. Вместе с тем данная категория, имеющая универсальный характер, относится и к образованию, и к культуре, и к медицине, где любые достижения опираются на прошлый опыт, в котором сконцентрировано накопленное «знание».

Проблематика знания с середины XX столетия присутствует во многих трудах (Hayek, 1945; Machlup, 1962, 1984; Mainoury, 1972; Foray, Mairesse, 1998; Foray, 2004; Иванова, 2001, 2002; Мильнер, 2003; Инновационное развитие..., 2009). При этом наименее исследованными оказались теоретические аспекты и, прежде всего, содержание самой категории знания, а также процессы его трансформации в экономические блага, участвующие в рыночном обмене.

Опираясь на работы Фрица Махлупа, рассматривавшего в основном деятельность, связанную с производством знания (Махлуп, 1966), я пришел к заключению о целесообразности более широкого взгляда на саму категорию знания. Речь идет об использовании уже упоминавшегося понятия «фоновое пространство значений, существующего вне голов индивидуумов» (Витгенштейн, 2008), которое для данного случая было названо «интеллектуальным эфиром». В отношении гуманитарного сектора в целом можно сделать вывод, что произведенное знание, находящееся в пространстве мыслей, чувств, языка, символов, значений и т.п., обладает классическими чертами общественного блага.

В этом фоновом пространстве находят отражение накопленные знания и прошлый опыт интеллектуальной деятельности.

В соответствии же с концепцией «рассеянного знания» (Хайек, 2001b. С. 51–71, 89–101) само знание, как заметил Доминик Форэй, «... появляется только тогда, когда оно выражено и записано и когда становится возможным закрепить за ним право собственности» (Foray, 2004. Р. 9). Подчеркну главное — чтобы результаты интеллектуальной деятельности ученых, преподавателей, деятелей культуры и медиков стали знанием, они должны пройти процесс его проявления — *экстериоризации*, т. е. вывода из неявного в явное состояние (Nonaka, Takeuchi, 1995).

Вернусь в связи с этим к категории знания, которое по природе своей является общественным благом с его известными свойствами неисключаемости и несоперничества. Основываясь же на теории общественных товаров можно сформулировать общее утверждение. Во-первых, предельные издержки его использования равны нулю, а само знание не имеет позитивной цены; во-вторых, отсутствие таковой дестимулирует создателей знания с неопределенными перспективами компенсации их издержек. Собственно, здесь и проявляется дилемма общественных благ с ее стандартными вопросами, обусловленными противоречием между интересами создателей знания в любом из видов интеллектуальной деятельности и заинтересованностью общества в его распространении. Понятно также, что из-за этого невозможно полагаться исключительно на систему конкурентных рынков (David, 1998), на что указывают и основные положения релятивистской методологии.

3.2. Результаты и особенности творческого труда

Следует подчеркнуть, что творческий труд и интеллектуальная деятельность создают существенно *больше*, чем способна сегодня обнаруживать экономика. В качестве обоснования данного утверждения используется обычно экономическая логика, основанная на «остатке Солоу», часть которого была идентифицирована как человеческий капитал, занявший постепенно центральное место в современной теории экономического роста. Нетрудно убедиться, что все виды интеллектуальной деятельности в гуманитарном секторе в той или иной степени участвуют в формировании различных видов человеческого капитала (Grossman, 1972; Farr, 2007; Bourdieu, 2011).

С позиций же теории опекаемых благ данный эффект можно рассматривать в качестве позитивных экстерналий производства и потребления товаров и услуг в сферах науки, культуры образования и медицины. Иначе говоря, обсуждая результаты интеллектуальной деятельности в гуманитарном секторе, кроме создания товаров и услуг, получающих рыночную оценку, следует иметь в виду ее долговременные последствия в виде созданных и накопленных знаний, формирования и развития различных форм человеческого капитала.

Следует отметить еще одно обстоятельство, характерное для современного понимания интеллектуальной деятельности. Казалось бы, творческий труд издавна находится в центре внимания исследователей различных наук. Да и экономисты с давних пор рассматривают его с разных сторон, в том числе как создателя знания и участника процессов формирования человеческого капитала. В дополнение к этому следует обратить внимание на его особенность иного рода, которую, что удивительно, экономическая наука почти не замечала.

Еще до недавнего времени вне экономической теории оставалась генетическая особенность интеллектуальной деятельности, отличающая живой творческий труд от других видов труда. Речь идет о принципиальной невозможности его замены машинами и оборудованием. Полагаю, что именно по этой причине экономические результаты в гуманитарном секторе в соответствии с известной теорией Уильяма Баумоля, получившей название «болезнь издержек», обречены на нулевые или малые темпы роста производительности (Baumol, Bowen, 1966)¹⁰.

3.3. Финансирование опекаемых благ

За прошедшие годы «болезни издержек» были посвящены теоретические и эмпирические исследования, результаты которых стали одним из оснований современной экономической теории (Globerman, Book, 1974; Heilbrun, 2003; Ginsburgh, Throsby (eds.), 2006). Концептуально новый подход был заложен еще в докторской

10. См. также: (Rubinstein, 1987; Рубинштейн, 1991; Баумоль, Баумоль, Рубинштейн, 1991; Baumol, Baumol, Rubinstein, 1992; Rubinstein, 1997).

диссертации Баумоля и окончательно оформился в его известной работе, посвященной проблемам «несбалансированного роста»¹¹.

Важным шагом в развитии этого направления исследований стало выделение двух частей экономики: «стагнирующих (с малыми или нулевыми темпами технического прогресса) и технологически прогрессивных экономических секторов» (*Baumol, 1967*). Следует особо отметить ренессанс теории Баумоля в новом столетии и расширение границ ее применения в сферах образования (*Neck, Getzner, 2007*) и здравоохранения (*Pomp, Vujic, 2008*), применительно к другим видам услуг (*Fernandez, Palazuelos, 2012*), а также в макроэкономических исследованиях (*Nordhaus, 2008*).

Обоснование этой закономерности позволило сделать заключение в отношении компенсации «выпадающих доходов» производителей опекаемых благ в гуманитарном секторе (*Рубинштейн, Славинская, Бураков, 2024*). Речь идет о доходах, которые могли бы иметь место, если бы характер деятельности позволял внедрять технические достижения с заменой творческого труда машинами и оборудованием, обеспечивая рост производительности. Отсутствие подобных возможностей в интеллектуальной деятельности генерирует необходимость государственного вмешательства, направленного на компенсацию выпадающих доходов в форме бюджетных субсидий. Но что же представляют собой указанные расходы государства и каким содержанием наполнена категория бюджетного финансирования?

Исследования науки, образования, культуры и здравоохранения в рамках релятивистской методологии и общей теории опекаемых благ создали предпосылки для принципиально нового подхода к определению экономического содержания бюджетной субсидии и построения ее адекватной модели. Речь идет о рассмотрении государства в качестве участника рыночных отношений, обладающего собственной функцией полезности, равновесии для опекаемых благ с характерным для него механизмом «вертикального суммирования», а также непосредственных связях государственных расходов

11. Диссертация «Экономика благосостояния и теория государства» была защищена У. Баумолем в 1949 г. в Лондонской школе экономики и много лет спустя была опубликована в издательстве Гарвардского университета (*Baumol, 1965*).

с экстермальными эффектами в форме накопления знания и человеческого капитала.

Один из результатов исследования опекаемых благ в комбинации с указанной выше «болезнью издержек» обусловил определение бюджетной субсидии, основанной на модифицированной модели равновесия для опекаемых благ. Это означает, что объем предложения и цена должны соответствовать совокупному спросу на опекаемое благо, включающему его обе составляющие. С учетом сказанного может быть получен и ответ на поставленный выше вопрос о содержании бюджетной субсидии.

Следует исходить из того, что она представляет собой расходы государства, направленные на компенсацию выпадающих доходов производителей опекаемых благ и обусловленные их социальной полезностью. Учитывая, что на рынке действуют индивидуальные акторы, предъявляющие спрос на опекаемое благо, и государство, стремящееся реализовать собственные интересы, равновесие достигается тогда, когда расходы производства уравниваются суммой выручки от рыночных продаж этого блага и бюджетной субсидии — *консолидированным доходом* производителей соответствующих благ.

Этот вывод и есть описание условий равновесия для товаров и услуг гуманитарного сектора, включая производство, воспроизводство и накопление знания (Foray, 2004; Рубинштейн, Чуковская, 2024а, б), формирование человеческого капитала, в том числе связанное с «досугово-образовательными практиками» (Бурдые, 2001; Stebbins, 2017; Тихонова, Латов, Латова, 2023) и склонностью к здоровьесберегающему поведению (Grossman, 1972; Чубарова, 2023). При этом компенсация выпадающих доходов, обеспечивающая рост полной производительности труда — консолидированного дохода на одного занятого, позволяет говорить о «перевode» гуманитарного сектора в группу эффективных секторов экономики, результаты деятельности которого обуславливают производство опекаемых благ, обладающих индивидуальной и социальной полезностью.

3.4. Полный бюджетный цикл

Приведенная ниже схема иллюстрирует не только экономический смысл субсидии, но и демонстрирует весь бюджетный цикл — от расходов государства в форме бюджетных субсидий,

направленных на компенсацию выпадающих доходов производителей опекаемых благ в «стагнирующем гуманитарном секторе» экономики, до налоговых доходов бюджета в результате инноваций и роста производительности технологически прогрессивных секторов, обеспеченных в том числе результатами деятельности науки, культуры, образования, медицины в виде накопленных знания и человеческого капитала (рис. 4).

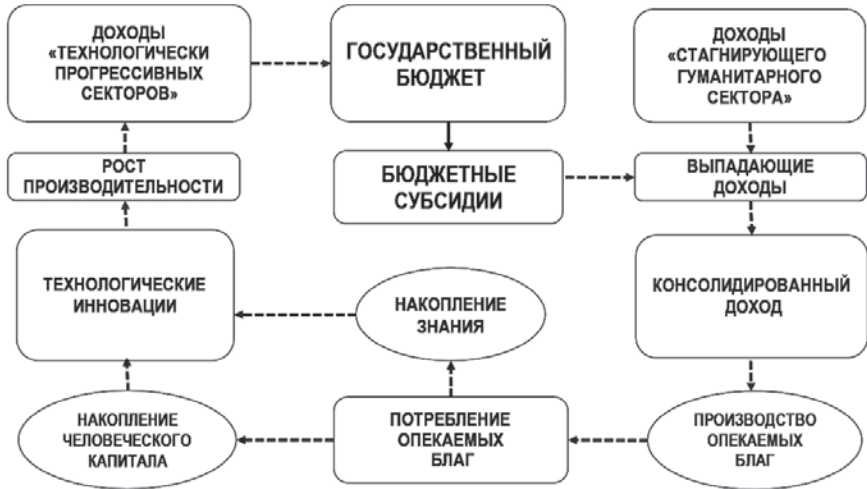

Рис. 4. Принципиальная схема полного бюджетного цикла расходов на производство опекаемых благ гуманитарного сектора

Данная схема позволяет сформулировать общее заключение: бюджетные субсидии производителям опекаемых благ в гуманитарном секторе являются государственными инвестициями в «технологически прогрессивные секторы» экономики. К этому надо добавить, что разработанная в рамках теории гуманитарного сектора концепция консолидированного дохода обеспечила создание нормативной модели бюджетной субсидии применительно к производству опекаемых благ в сфере науки, культуры, образования и медицины (Рубинштейн, 2024а. С. 253–262).

Завершая данный раздел работы, следует отметить, что проблемы вмешательства государства в рыночные отношения, кроме рассмотрения позитивных эффектов бюджетных инвестиций в опекаемые блага, практически всегда возвращают исследователей

к вопросу о решениях, связанных с механизмами выбора направления расходов государства. Учитывая, что он, как известно, не всегда способствует увеличению общественного благосостояния (Krueger, 1990; Buchanan, Musgrave, 2000; Заостровцев, 2024), нельзя упускать из вида возникновение негативных последствий решений, обусловленных нормативными установками политической власти¹².

В этом случае «треугольник Харбергера» измеряет не только и даже не столько финансовые результаты подобных решений, сколько провалы государства и вызванные ими потери гражданского общества. Вполне очевидно, что ответы на вышепоставленный вопрос тесно связаны с самой категорией «государство», местом, которое оно занимает в жизни социума, включая всю совокупность взаимодействий власти, экономики и гражданского общества.

12. На необходимость интерпретация «треугольника Харбергера» применительно к нормативным решениям власти обратил внимание в личной беседе со мной Олег Игоревич Ананьин.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

В этой заключительной части доклада, относящейся к исследованиям в период 2018–2024 гг., речь пойдет о государстве, процессах формирования его интересов в качестве самостоятельного рыночного игрока и особенностях государственной деятельности, направленной на их реализацию. При всей «заезженности» данной темы опубликованная в 2020 г. монография «Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма» стала, наверное, первым систематическим изложением подхода, разработанного с позиций общей теории опекаемых благ, опирающейся на релятивистскую методологию (Экономическая теория государства..., 2020).

Следует особо отметить, что исследования Института экономики в этом направлении можно сказать неожиданно, но, как теперь кажется, вполне закономерно коснулись теоретических проблем государственного управления, связанных с определением целей государства и обеспечением их достижения. Это совершенно новый сюжет, в котором теоретические аспекты государственного управления оказались тесно связаны с экономической теорией государства.

4.1. Патерналистское государство

Патерналистское государство не является венцом эволюции. И хотя такой тип государственности наблюдается в большинстве стран, содержательное устройство государства привлекает постоянное внимание исследователей различных отраслей науки. Главные изменения в этом процессе связаны с самой парадигмой патерна-

лизма. Речь идет о его смысловой трансформации: от характерной для патриархального патернализма и монархии единоличной власти как системы отношений, основанной на подчинении индивидуумов патеру или диктатору, до более сдержанного восприятия вмешательства государства в выбор индивидуумов, сопровождающегося некоторой либерализацией самого патернализма (Рубинштейн, 2016. С. 443–493).

Примером изменения отношения экономистов к патернализму может служить и концепция «либертарианского патернализма», выдвинутая Ричардом Талером в начале нового столетия в качестве ядра поведенческой экономики. Нет сомнений и в том, что прежняя парадигма государства себя явно исчерпала, и мы наблюдаем очередной этап его эволюции, особенностью которого является перерастание государства благосостояния в патерналистское государство (Капелюшников, 2013а, б). Процитирую в связи с этим и Фридриха Хайека: «...государство всеобщего благосостояния становится государством домашнего хозяйства, в котором патерналистская власть контролирует большую часть доходов общества и распределяет их между людьми в тех формах и количествах, в которых, по ее мнению, они нуждаются или заслуживают» (Хайек, 2018).

Имеет смысл обратить внимание и на другой аспект научного дискурса. Наблюдаемая трансформация содержания патернализма непосредственно связана с признанием нерационального поведения индивидуумов, наносящих ущерб своему благосостоянию. Признание возможности нерационального поведения тождественно, по существу, легитимации патернализма. В этом смысле и мериторный, и либертарианский патернализм соответствуют основным положениям теории опекаемых благ, определяющей его как неотъемлемый элемент существования государства (Рубинштейн, 2024а).

Теоретический анализ и исторические исследования свидетельствуют, что в разных условиях деятельность патерналистского государства может порождать как позитивные, так негативные последствия. Причем сдвиги в сторону негатива в очень большой степени связаны с сокращением поля общественного выбора, обусловленного «поломками» защитных механизмов социума. Речь идет о гражданском обществе, его становлении и развитии, фор-

мировании институтов самоорганизации, обеспечивающих защиту прав граждан и соответствующее влияние на политическую власть.

Причины провалов гражданского общества кроются в известном конфликте патерналистских действий государства с фундаментальным трендом развития демократических устоев общества, которые даже либеральные государства не смогли реализовать в достаточной степени. При этом в обычно предлагаемых объяснениях превалирует односторонний подход, с упором лишь на действия власти, без учета эволюционной истории государства, включая формирование, развитие и кризисные явления его патерналистской формы, которая многократно менялась (рис. 5).

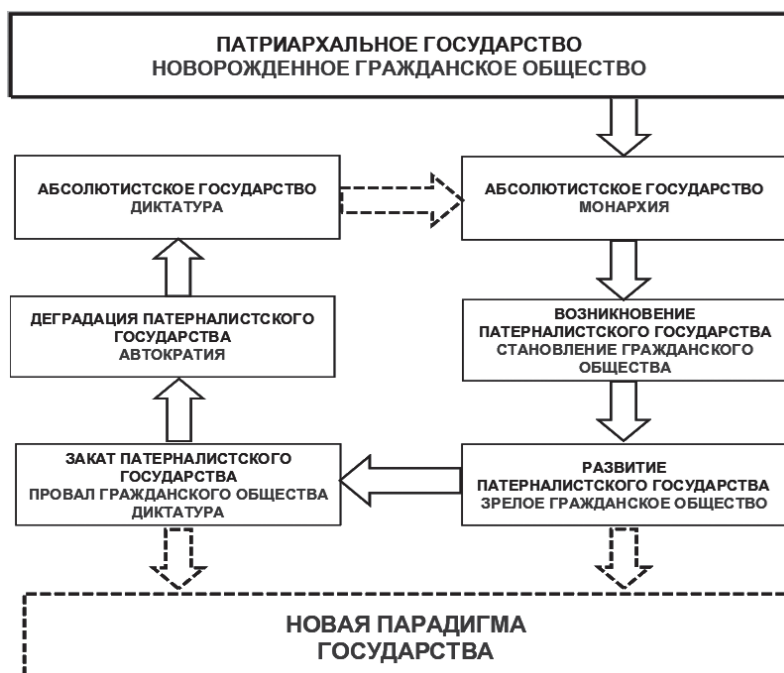

Рис. 5. Эволюция государства (общая схема)

Следует подчеркнуть также, что современное патерналистское государство отличается от его патриархальной модели коллективным характером генерирования его интересов и возможностями демократизации самого процесса общественного выбора (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022. С. 144). На эту тему

существует обширная литература, где представлены различные аспекты коллективных решений, включая теорию общественного выбора, рождение которой связывают с публикациями Дэвида Блэка (*Black*, 1948a, b). Первая же статья Джеймса Бьюкенена по этой проблематике была опубликована практически в то же самое время (*Buchanan*, 1949), но название теории — «Общественный выбор» — закрепилось лишь в 1960-х гг., после создания соответствующей ассоциации и журнала *Public Choice*:

4.2. Общественный выбор и его пороки

В рамках данной теоретической конструкции, как известно, был представлен подход к изучению нерыночных решений, особенностью которого стали демократические процедуры парламентских голосований (*Buchanan, Tullock*, 1962). Однако при всей демократизации процедуры общественного выбора обращает на себя внимание тот факт, что парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна акцептировать любые нормативные установки и провести через голосование практически все решения, отвечающие интересам самой партии¹³.

Сформулирую фундаментальное противоречие современного политического процесса. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой — подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большинством»¹⁴. Соглашаясь с предпочтением «многих» и уклоняясь за ними, всякий парламентарий подвергает себя риску пройти мимо верного выбора. Еще более значимые риски испытывает все общество, которое может оказаться вне зоны эффективных решений.

«Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, — писал Мизес, — игнорируют эти идеи.... По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является дикта-

13. См., в частности: (Полтерович, Попов, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2008; Хиллман, 2009).

14. «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несется под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: (Ковельман, 1996. С. 65)). Эти современного звучания слова, облеченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому — философу I в. н. э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.

торской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является противоположностью либеральной доктрины» (Мизес, 2005. С. 144). Подчеркну, изменение процедур коллективных решений и поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, являются одними из ключевых задач экономической и политической теории.

В начале нынешнего столетия это направление исследований стало приобретать все большую популярность. В их ряду работы французского ученого Жан-Жака Лаффона, который обращал внимание на тот факт, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес, как на решающий при выборе пути развития, «интервенция» теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (Лаффон, 2007. С. 23). Исходя из важности данной теории, он ввел в свой анализ так называемого аутентичного советника правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации (там же. С. 22).

В России этот процесс проявился особенно зримо. «Между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов — общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (Полищук, 2013. С. 41). При этом парламент может рассматриваться вслед за Лаффоном как совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих их интересы. Такой подход дает основание для обобщения известного результата Кеннета Эрроу в виде вывода о невозможности согласования предпочтений парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют так же как он. Реальная политическая практика демократических государств демонстрирует общую закономерность: всякий парламент эволюционирует в сторону появления «коллективного диктатора» в виде партии власти или партийной коалиции, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений.

Нельзя отрицать поэтому, что социум довольно часто сталкивается с ситуацией, когда *public choice* трансформируется в монополистический выбор партии власти. Иначе говоря, демократическое

голосование может порождать патерналистские установки, далеко не релевантные приоритетам общества. Вместо отражения интересов различных общественных групп использование нормативных установок правящей партии определяет часто снижение общего благосостояния. Относится это к любым процедурам «коллективных решений», подрывающих доверие к патернализму и государственной активности у большинства экономистов (Стиглиц, 1997. С. 14–15). Можно сформулировать общий тезис: патерналистская форма государства развивается без риска деградации лишь при наличии соответствующих защитных механизмов, образующих «иммунную систему» социума, в том числе в виде самоорганизуемых институтов гражданского общества, которые способны препятствовать неверному выбору целей и бюрократическому произволу их реализации (рис. 5).

Но какое содержание вкладывается в саму категорию государства? Занимаясь несколько десятилетий проблемами смешанной экономики (Рубинштейн, 2008, 2024а; Гринберг, Рубинштейн, 2013), я пришел к выводу об отсутствии адекватного понимания государства и его соответствующего определения, которое бы отражало не только «суверенную форму публичной власти, обладающую аппаратом управления и принуждения, которому подчиняется все население страны», но и его непосредственные связи с экономикой и институтами гражданского общества. Отмечу также, что ни современная наука, ни международное право не предоставляют общепризнанного определения государства. Опираясь же на теоретические исследования Института экономики последних лет¹⁵, я посчитал возможным предложить *принципиально новое* его определение: «Государство — это социальная целостность, созданная национальной или многонациональной общностью на определённой территории и функционирующая в форме метасистемы «политическая власть—экономика—гражданское общество» (Рубинштейн, 2024а. С. 388; 2024b. С. 197).

15. См., например: Воейков М.И., Павленко Ю.Г., Колганов А.И. Государственный патернализм и гражданское общество / Итоговый доклад трехлетнего исследования по теме государственного задания «Эволюционная теория государственного патернализма: общественный выбор, институты и гражданское общество». Гл. 1. (Научный руководитель и редактор доклада А.Я. Рубинштейн). М., 2023.

Из данной дефиниции, в частности, непосредственно следует, что интерес государства представляет собой комбинацию интересов власти, предпочтений индивидуумов, формируемых механизмом рынка, и интересов гражданского общества. Иначе говоря, рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, соответствующий неоклассической теории, составляет лишь только часть интереса государства, что совпадает фактически с базовым утверждением КЭС о несводимости его интересов к индивидуальным предпочтениям.

4.3. О новой парадигме государства

Обсуждая вопросы теории государства, я придерживаюсь Концепции социального порядка Фридриха фон Хайека (*Науек*, 1973; *Хайек*, 1992, 2006). В этом контексте процитирую и Ричарда Вагнера, который, опираясь на идеи Хайека, определяет государство как одно из проявлений «порядка, согласовывающего действия множества участников, преследующих различные цели» (*Вагнер*, 2016. С. 90). Этот порядок складывается спонтанно «в результате того, что каждый его элемент осуществляет уравнивание действующих на него сил и согласовывает друг с другом все свои действия» (*Хайек*, 2006. С. 69), обеспечивая согласование поведения отдельных индивидуумов и их общностей, преследующих различные цели.

Отмечу, что даже не слишком углубленное знакомство с Концепцией культурной эволюции Хайека приводит к выводу, что ее важнейшее положение связано с принципиальным недостижением финальной точки эволюции¹⁶. И, как пишет сам Хайек, «характер этой эволюции не прямолинеен, он складывался в процессе постоянных проб и ошибок, непрерывного «экспериментирования» в сферах, где происходило «соперничество» между порядками разного типа» (*Хайек*, 1992. С. 39).

Понятно, что в процессе эволюции различные элементы метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество» могут оказывать большее или меньшее влияние. Можно предположить также, что во всех этих случаях степень ее сбалансированности или, по Хайеку, — мера «уравнивания действующих сил», скорее всего, будет не одинаковой. Подтверждает это и эконо-

16. Подробнее об этом см.: (*Капелюшников*, 2024а, b).

мическая теория, свидетельствующая о наличии рыночных провалов, генерирующих увеличение вмешательства власти в экономику. Добавлю к этому и провалы, связанные с реализацией нормативных установок власти (Krueger, 1990; Стиглиц, 1997; Радыгин, Энтов, 2012), и провалы гражданского общества, обусловленные «недостаточностью самоорганизаций» (Salamon, 1987), также вызывающие соответствующие изменения в сбалансированности элементов рассматриваемой метасистемы.

Имея это в виду, можно выделить два направления развития экономической теории государства. Речь прежде всего идет об исследовании структуры социальной организации государства¹⁷, в том числе о выявлении *доминант* в этой структуре, т. е. соответствующих элементов триады «политическая власть — экономика — гражданское общество», преимущественное влияние которых на определенном отрезке времени становится главной причиной формирования или роста общей несбалансированности. Отсутствие же доминант в структуре социальной организации государства свидетельствует об определенном «уравновешивании действующих сил». И, наоборот, наличие соответствующих доминант является по существу критериальным признаком несбалансированности социальной организации.

Выявление указанных доминант — задача далеко не простая, ибо «виновниками» подобных структурных сдвигов могут оказаться разные составляющие метасистемы. Все дело в изменениях их влияния в процессе эволюции государства. Исходя из этого, нетрудно предположить наличие связей между разными типами несбалансированности социальной организации, обусловленными доминантами метасистемы, и особенностями государственного управления, направленного на формирование и реализацию интересов государства. С учетом данной гипотезы можно выделить три основные модели государственного управления, каждая из которых обусловлена *доминирующим элементом* метасистемы:

- *рыночная* — формируется в результате доминирования конкурентного рынка при ослаблении влияния политической власти, действия которой ограничиваются функциями

17. Под «структурой социальной организации» понимаются веса трех элементов метасистемы «политическая власть—экономика—гражданское общество», отражающих степень влияния каждого из них. В определенном смысле указанная структура является аналогом «социального порядка».

«ночного сторожа», связанными с устранением провалов рынка:

- *публичного управления* — возникает в результате усиления влияния самоуправяемых субъектов гражданского общества, ограничивающих действия политической власти. Она обуславливает коллективный характер принятия решений по формированию и реализации целей общественного выбора с участием представителей гражданского общества на федеральном, региональном и муниципальном уровне;
- *автократическая* — формируется в результате усиления влияния политической власти при ограничении рыночных свобод, а также гражданских прав и деятельности самоуправяемых субъектов гражданского общества, направлена на формирование и реализацию целей общественного выбора в соответствии лишь с основными установками власти.

Очевидно, что каждая из этих моделей управления, соответствующая *предельным* случаям структуры социальной организации государства, не может рассматриваться в качестве согласованного общественного выбора, но является спонтанным результатом эволюции государства, характер которой (по Хайеку) непрямолинеен. Его волатильность отражает эволюционные сдвиги в структуре социальной организации, выраженные в смене ее доминант или их устранении, обуславливающей изменение моделей государственного управления. Эволюционный характер таких изменений крайне редко проявляется в форме скачкообразного формирования одной из доминант, допуская наличие признаков той или иной модели государственного управления на разных фазах этой эволюции.

Обозначу и другое направление, связанное с рассмотрением ключевого тезиса Хайека об «уравновешивании действующих на социальный порядок сил», но уже в оптике экономических измерений.

4.4. Индекс социальной организации

Решение задач такого рода предполагает среди прочего изучение последствий провалов: рынка, власти и гражданского общества, их отражения в изменениях структуры социальной организации. Выскажу несколько предварительных соображений.

Во-первых, институциональные решения, способствующие устранению провалов рынка в результате ограничения его свобод, чреваты, как уже отмечалось, перераспределением влияния элементов метасистемы в пользу власти, т. е. изменением «уравновешивания действующих сил». Во-вторых, другой вектор эволюции, связанный с сокращением влияния власти в результате роста активности самоуправяемых субъектов гражданского общества, ограничивающих законодательную и исполнительную власти, также приводит к изменению «уравновешивания действующих сил», но в другом направлении. В-третьих, перманентный конфликт между каждой парой триады элементов указанной метасистемы и, прежде всего, между политической властью и институтами гражданского общества, приводит часто к провалам гражданского общества и усилению политического контроля.

Эти отдельные ситуации и их комбинации влияют на общий уровень сбалансированности социальной организации. Нахождение соответствующего измерителя, указывающего на степень ее сбалансированности, было одной из задач исследования. Без претензий на «единственно верное» решение, мне показалось возможным предложить в качестве такого индикатора *«Индекс социальной организации государства» (ISOS)*, который интегрирует в себе влияние различных элементов метасистемы «политическая власть—экономика—гражданское общество» (Рубинштейн, 2024а. С. 391, 420, 421).

Экономический смысл этого индикатора обусловлен простыми соображениями: чем в большей степени уравновешены элементы анализируемой метасистемы, тем выше должен быть уровень данного индекса. Отталкиваясь же от содержания государства в виде метасистемы, можно определить индекс социальной организации (ISOS) и его эконометрическую модель, в основе которой лежат характеристики элементов указанной системы. Сама же модель индекса ISOS может быть представлена в виде линейной комбинации соответствующих композитных факторов:

$$ISOS = \lambda_1 F_1 + \lambda_2 F_2 + \lambda_3 F_3 + \lambda_4 F_4 + \lambda_5 F_5, \quad (2)$$

где: F_1 — фактор реализации принципов выборности власти; F_2 — фактор эффективности деятельности чиновников; F_3 — фактор недо-

статочности благосостояния; F_4 — фактор ограниченности гражданских прав; F_5 — фактор влияния граждан на происходящее в стране.

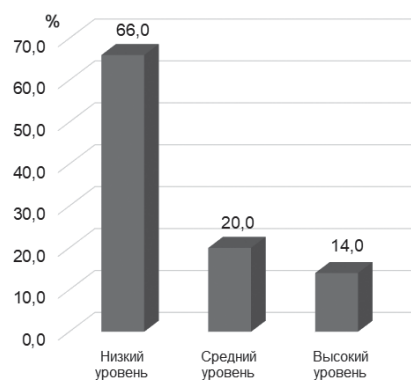
Особенностью индекса *ISOS* является его волатильность, указывающая в соответствующих точках измерения на снижение или повышение уровня сбалансированности социальной организации государства. Очевидно также, что в динамике этого индекса находит определенное отражение процесс эволюции государства. В качестве иллюстрирующего примера приведу результаты расчетов указанного индекса, выполненных на основе построенной эконометрической модели (рис. 6)¹⁸.

Представленные результаты свидетельствуют, в частности, что больше половины респондентов указали на низкий уровень индекса *ISOS*, меньше трети оценивают его как средний, и лишь немногим больше 15% ответов респондентов позволяют думать о высоком уровне этого индекса, свидетельствуя в целом о наличии существенной несбалансированности социальной организации государства (Рубинштейн, 2024а. С. 420).

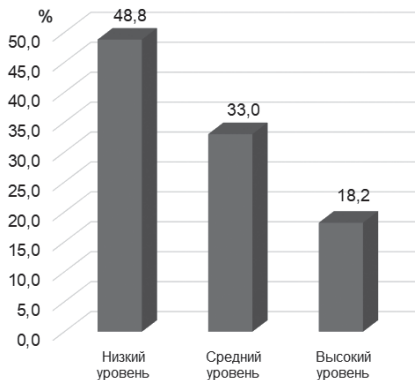
В этом контексте особый интерес представляет сопоставление итогов эмпирического исследования, выполненного на основе экспертного опроса экономистов и эконометрической модели индекса *ISOS*, с моделями государственного управления. С определенными оговорками можно сделать вывод о подтверждении выдвинутой теоретической гипотезы о наличии связи между моделями государственного управления и типом несбалансированности социальной организации государства.

Расчеты показали, в частности, что наибольший вклад в несбалансированность социальной организации государства нынешнего времени вносит нарушение демократических принципов выборности органов власти при ограничении гражданских прав и снижении влияния граждан на то, что происходит в стране. Иначе говоря, установленный высокий уровень несбалансированности социальной

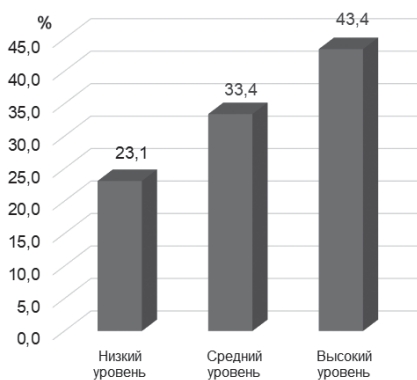
18. В статье (Рубинштейн, 2024б) представлены соответствующие расчеты, для проведения которых были использованы данные экспертного опроса ведущих экономистов, представляющих университетскую и академическую науку, с выяснением их мнения в отношении теоретически описанных провалов рынка, власти и гражданского общества, организованного в 2023 г. Институтом экономики РАН и Новой экономической ассоциацией при участии экономического факультета МГУ им. Ломоносова и Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

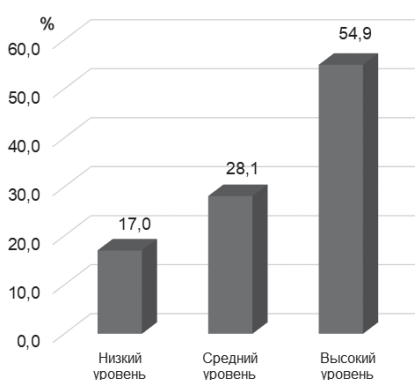
а) фактор реализации выборности власти

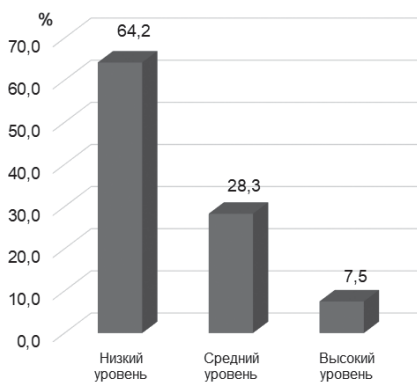
б) фактор эффективности деятельности чиновников

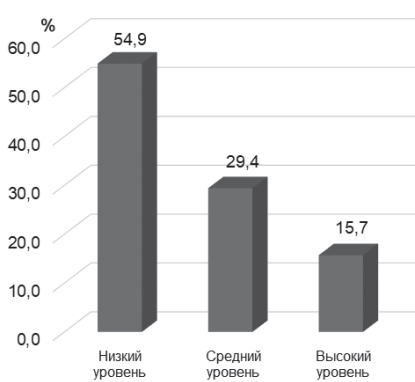
в) фактор недостаточности благосостояния

г) фактор ограниченности гражданских прав

д) фактор влияния граждан на происходящее в стране

е) индекс сбалансированности ISOS

Рис. 6. Измерение индекса сбалансированности ISOS и его составляющих

организации в данном случае связан с превалированием автократической модели государственного управления, одним из последствий которой является *возрастание рисков неэффективного расходования* бюджетных средств.

Для обоснования данного утверждения надо вернуться к рассмотрению «треугольника Харбергера» в модели равновесия для опекаемых благ (рис. 3) и замечанию Олега Ананьина о возможности негативных эффектов, обусловленных не всегда верными нормативными установками власти. В отличие от двух других моделей государственного управления автократическая модель с присущим ей доминированием власти и пониженным влиянием гражданского общества оказывается менее защищенной от ошибок принятия решений. В этом случае «треугольник Харбергера» в большей степени измеряет последствия провалов власти и вызванные ими потери благосостояния. В предельном случае можно ожидать, что при автократической модели управления «треугольник Харбергера» почти не содержит позитивных эффектов от бюджетных инвестиций, определяя в основном даже не «чистые потери», а *отрицательную отдачу* от реализации нормативных установок власти в виде роста дополнительных расходов.

Завершая данную часть работы, хочется думать о создании в Институте экономики РАН принципиально новой платформы для исследования теоретических и прикладных проблем государственного управления, в том числе в области комплексного анализа его отдельных моделей, изучения особенностей каждой из них, включая предпосылки и условия модернизации общей системы государственного управления. Не могу не отметить также, что в основании этой платформы исследования лежит релятивистская методология.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Критический анализ Концепции экономической социодинамики и ее продолжений в теориях опекаемых благ, гуманитарного сектора экономики, государства и государственного управления с позиций сегодняшнего развития теоретической экономики позволил переосмыслить некоторые результаты исследований, полученные за прошедшую четверть столетия в Институте экономики РАН. В качестве итогов такого анализа сформулирую четыре основных вывода.

Во-первых, можно с определенной уверенностью говорить о наличии общей логики теоретических построений, в основе которой лежит релятивистская методология, уравнивающая в правах индивидуальные предпочтения и интересы государства. Данный факт позволяет рассматривать КЭС и ее наследие в виде общего комплекса идей, расширяющих границы экономического анализа.

Во-вторых, за прошедшие годы многое изменилось, и экономическая наука становится все больше мультидисциплинарной, привлекая результаты и методы исследований философии, социологии, политологии и социальной психологии, что существенно расширило ее арсенал. В этом смысле выполненный анализ продемонстрировал, что ряд теоретических результатов, полученных в 2000–2025 гг., имеет более строгое и, главное, интересное научное обоснование, в основе которого лежат философские и социологические исследования.

В-третьих, и, наверное, это главное, общий взгляд на КЭС и ее наследие позволил получить новые научные результаты, которые в исходных версиях указанных теорий отсутствовали. Среди них прежде всего следует отметить релятивистскую методологию, более строгое содержание теории общественных товаров и концепцию «новой мериторики», политику мериторизации и дефиницию нор-

мативно-общественных товаров, построение для опекаемых благ модели равновесия, новую трактовку «треугольника Харбергера» и теоретическую реабилитацию категории бюджетной субсидии, ее параметрическую модель и полный бюджетный цикл.

В-четвертых, отдельно нужно выделить результаты исследований последнего периода, посвященные теории государства и его эволюции, — введение новой парадигмы государства в форме метасистемы «политическая власть — экономика — гражданское общество», включая определение его социальной структуры и построение эконометрической модели индекса ее сбалансированности, а также разработку подхода к теории государственного управления с выделением моделей: рыночной, публичного управления и авторитарной. Речь идет о принципиально новом направлении исследований, продолжающим общую линию и логику КЭС, в котором методологический релятивизм и положение о наличии у государства автономного интереса, несводимого к индивидуальным предпочтениям, позволили определить более общее содержание государства, и обусловившим новый подход к теории государственного управления, разрабатываемый в Институте экономики РАН.

ЛИТЕРАТУРА

- Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж.Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: Учебник / Пер. с англ. под ред. А.Л. Любимова. М.: Аспект Пресс. 1995.
- Баумоль В., Баумоль Х., Рубинштейн А.Я. Об экономике исполнительских искусств в СССР и США: сравнительный анализ // Экономика искусства. Опыт зарубежных исследований. М.: Рик Культура, 1991. С. 63–91.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1994.
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ. М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”», 2004.
- Будон Р. Теория социальных изменений (пер. с англ.). М., 1999.
- Бурдье Пьер. Практический смысл / Пер. с французского (Общая редакция перевода и послесловие Н.А. Шматко). СПб.: Алетейя, 2001.
- Бхаскар Р. Общества (пер. с англ.) // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991.
- Вагнер Р. Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе // Экономическая социология. 2016. Т. 17. №2. Март. С. 88–110.
- Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма / (пер. с англ.) // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 3–24.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. М.: Наука, 1958 (2008).
- Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику // Российский экономический журнал. 1997. №1. С. 77–89.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. 1998. №2. С. 34–56.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013.
- Заостровцев А.П. Государство: хищническая природа против гражданского общества // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. №4 (65). С. 237–244.

- Иванова Н.И. Формирование и эволюция национальных инновационных систем. М.: ИМЭМО РАН, 2001.
- Иванова Н.И. Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002.
- Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009.
- Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // Вопросы экономики. 2013а. № 9. С. 66–90.
- Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм // Вопросы экономики. 2013б. № 10. С. 28–46.
- Капелюшников Р.И. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть первая) // Вопросы экономики. 2024а. №6. С. 5–25.
- Капелюшников Р.И. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть вторая) // Вопросы экономики. 2024б. №7. С. 5–52.
- Ковельман А.Б. Толпа и мудрецы Талмуда. М.: Иерусалим: Изд-во Еврейского университета в Москве, 1996. (Библиотека Флавиана. Малая серия. Вып. 1).
- Крозье М. Современное государство — скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 35–43.
- Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Махлун Фриц. Производство и распространение знаний в США / Пер. с англ. И.И. Дюмулена и др. / Ред. Е.И. Розенталь. М.: Прогресс, 1966.
- Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. 2-е изд., испр. Челябинск: Социум, 2005.
- Милль Дж.С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006.
- Мильнер Б.З. Управление знаниями. М.: ИНФРА-М, 2003.
- Некипелов А.Д. Поиск социального оптимума: погоня за призраком? // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. №5. С. 415–427.
- Некипелов А.Д. О возможности формирования обновлённой парадигмы теорий индивидуального и группового выбора // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. Т. 76. №1. С. 33–43.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
- Полищук А.И. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 40–65.
- Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. №2. С. 13–27.

- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. №2. С. 176–200.
- Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. №12. С. 4–30.
- Рубинштейн А.Я. Введение в экономику исполнительского искусства. М.: Союзтеатр, 1991.
- Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. СПб.: Алетейя, 2008.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков опекаемых благ. Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а. №1. С. 139–153.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков опекаемых благ. Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009b. №2. С. 138–150.
- Рубинштейн А.Я. Меритория и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. 2009с. №11. С. 98–109.
- Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010.
- Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм. Либеральная эволюция патернализма / Социальный либерализм. СПб.: Алетейя, 2016. С. 443–493.
- Рубинштейн А.Я. О государственных инвестициях в гуманитарном секторе экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. №1(41). С. 225–233.
- Рубинштейн А.Я. Патерналистское государство, академическая наука и научные журналы: теоретические заметки // Вопросы экономики. 2022. №9. С. 139–177.
- Рубинштейн А.Я. Общая теория опекаемых благ: учебник. СПб.: Алетейя, 2024а.
- Рубинштейн А.Я. Социальная организация государства: проблема сбалансированности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024b. № 4 (65). С. 196–217.
- Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Патерналистское государство и гражданское общество // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57). С. 142–149.
- Рубинштейн А.Я., Славинская О.А., Бураков Н.А. Новая парадигма бюджетного финансирования опекаемых благ гуманитарного сектора. М.: ИЭ РАН, 2024.

- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Часть 1 // Экономика и математические методы. 2024а. Т. 59. № 1. С. 5–19.
- Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. Наука, знание и интеллектуальная собственность: десять лет спустя. Часть 2 // Экономика и математические методы. 2024б. Т. 60. № 2. С. 5–13.
- Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике (пер. с фр.). М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Изд-во «Стереотип», 2009 (переиздание 1933 г.).
- Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1997.
- Тейлор Ч. Неразложимо социальные блага // Неприкосновенный запас. 2001. №4(18). С. 7–18.
- Тихонова Н.Е., Латов Ю.В., Латова Н.В. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catalлаху», 1992.
- Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2001а.
- Хайек Ф.А. Экономическая теория и знание / Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2001б.
- Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. (Серия «Политическая наука»).
- Хайек Ф.А. Конституция свободы / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2018.
- Хиллман А. Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления / Пер. с англ. под науч. ред. М.И. Левина. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
- Чубарова Т.В. Медицина и здравоохранение / Гуманитарный сектор патерналистского государства / под ред. А.Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2023. С. 197–223.
- Шумпетер Й.А. История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1.
- Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетейя, 2020.

- Юм Д. Трактат о человеческой природе (1739). Серия «Эксклюзивная классика». М.: АСТ, 2022.
- Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Agassi J. Methodological individualism // *The British Journal of Sociology*. 1960. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
- Agassi J. Methodological Individualism // *Modes of Individualism and Collectivism*. Ed. by J. O'Neill. L., 1973.
- Arrow K.J. *Social Choice and Individual Values*. New York: Wiley, 1951.
- Baghramian M. *The Many Faces of Relativism*. London: Routledge, 2004.
- Baumol W. *Welfare Economics & the Theory of the State*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
- Baumol W. Macroeconomics of Unbalanced Growth: The Anatomy of Urban Crisis // *American Economic Review*. January 1967. Vol. 57. Pp. 415–442.
- Baumol W., Baumol W., Rubinstein A. On the Economics of the Performing Arts in the Soviet Union and the USA: a Comparison of Data // *Journal of Cultural Economics*. 1992. Vol. 16. No. 2. Pp. 1–23.
- Baumol W.J., Bowen W.G. *Performing Arts: The Economic Dilemma. A Study of Problems Common to Theatre, Opera, Music and Dance*. New York: The Twentieth Century Fund, 1966.
- Bergson A. A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // *The Quarterly Journal of Economics*. 1938. Vol. 52. Pp. 310–334.
- Bhaskar R. *The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences*. 2nd ed. Brighton, 1989.
- Black D. On the Rationale of Group Decision-Making // *Journal of Political Economy*. 1948a. Vol. 56. Pp. 23–34.
- Black D. The Decisions of a Committee Using a Specific Majority' // *Econometrica*. 1948b. Vol. 16. Pp. 245–261.
- Boudon R. Generating Models as a Research Strategy. In: R.K. Merton, J.S. Coleman, P.H. Rossi (Eds.). *Qualitative and Quantitative Social Research: Papers in Honor of Paul F. Lazarsfeld*. Simon and Schuster, 1979. Pp. 51–64.
- Boudon R. Will sociology ever be a normal science? // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. No. 5. Pp. 747–777.
- Bourdieu P. *Capital cultural, Escuela y Espacio Social*. Siglo XXI Ediciones, 2011.

- Bourdieu P.* Cultural reproduction and social reproduction. In: Knowledge, education, and cultural change. Edited by Richard Brown. Taylor & Francis Group, 2018. Pp. 71–112.
- Brennan G., Lomasky L.* Institutional Aspects of “Merit Goods” Analysis // *Finanzarchiv*. 1983. Band 41. Pp. 183–206.
- Buchanan J.* The pure theory of public finance: A suggested approach // *Journal of Political Economy*. 1949. Vol. 57. Pp. 496–505.
- Buchanan J., Musgrave R.* Public Finance and Public Choice – Two Contrasting Visions of the State. Hans-Werner Sinn MIT Press, Cambridge, Mass., 2000.
- Buchanan J., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
- David P.* Common agency contracting and the emergence of open science institutions // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88(2). Pp. 15–21.
- Farr J.* In Search of Social Capital. A Reply to Ben Fine // *Political Theory*. 2007. Vol. 35(1). Pp. 54–61.
- Fernandez R., Palazuelos E.* European Union Economies Facing ‘Baumol’s Disease’ within the Service Sector // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50. Issue 2. Pp. 231–249.
- Foray D.* The Economics of Knowledge. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004.
- Foray D., Mairesse J.* Innovations et Performances: Trois Experiences de Collaborations Interdisciplinaires. P.: Edition de l'EHESS, 1998.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Giddens A.* Sociology. Cambridge: Polity Press, 2001.
- Gellner E.* Relativism and the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Ginsburgh A., Throsby D.* (eds.) Handbook on the Economics of Art and Culture. Amsterdam; Boston [Mass] Elsevier North-Holland, 2006.
- Globerman S., Book S.H.* Statistical Cost Function’s for Performing Arts Organisations // *Southern Economy Journal*. April 1974. No. 40. Pp. 668–671.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Ökonomische Soziodynamik und rationales Verhalten des Staates. Köln: Bundesinst, 1999.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamic: variations on given theme. UCLA, LC, 2001.

- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin, Heidelberg, New York: Springer, 2005.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2010. 2nd ed.
- Grossman M.* On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // *Journal of Political Economy*. 1972. Vol. 80. No. 2. Pp. 223–255.
- Harberger A.C.* The Measurement of Waste // *The American Economic Review*. 1964. Vol. 54(3). Pp. 58–76.
- Hayek F.A.* The use of knowledge in society // *The American Economic Review*. 1945. Vol. 35. No. 4. Pp. 519–530.
- Hayek F.A.* Rules and order. Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Heilbrun J.* Baumol's cost disease. In: *Towes R. (ed.). A handbook of cultural economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. Pp. 91–101.
- Herman F.B.W.* Staatswirthschaftliche Untersuchungen, 2. Aufl., Munchen, 1870.
- Hines J.R.* Three Sides of Harberger Triangles // *Journal of Economic Perspectives*. 1999. Vol. 13. Issue 2. Pp. 167–188.
- Jecht H.* Wesen und Formen der Finanzwirtschaft. Jena, 1928.
- Kincaid H.* Methodological Individualism / Atomism // *The Handbook of Economic Methodology*. UK, London: Edward Elgar Publishing Limited, 1998.
- Knorr-Cetina K.* Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.
- Krueger A.* Government failures in development // *Journal of Economic Perspectives*. 1990. Vol. 4. Pp. 9–23.
- Lindahl E.* Positive Lösung, Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Eine Analyse der Steuereinzien auf Grundlage der Grenznutzentheorie. 1919, translated by E. Henderson as: Just Taxation – a positive Solution. In: *Musgrave R.A., Peacock A.T. (eds.). Classics in the Theory of Public Finance*. London: MacMillan, 1958, 4th Impression 1967. Pp. 168–176.
- Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.
- Machlup F.* The economics of information and human capital. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.
- Maunoury J.-L.* Economie du savoir Collection U. Published by Armand Colin, 1972.
- Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2. Aufl. Wien-Leipzig, 1923.
- Mill J.S.* Principles of Political Economy. London, 1848.

- Mill J.S.* A System of Logik, 8th ed., London, 1872 (рус. пер. *Милль Дж.Ст.* Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1914).
- Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance and the Concept of “Burden of Taxation.” PhD diss. Harvard University, 1937.
- Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. N.Y.: Mc Graw-Hill, 1959.
- Musgrave R.A.* Fiscal Systems. New Haven, and London: Yale University Press, 1969.
- Musgrave R.* Finanztheorie. Tübingen, 1974.
- Musgrave R.A.* Public Goods. In: Brown E.C., Solow R.M. (Eds.). Paul Samuelson and Modern Economic Theory. New York: McGraw-Hill, 1983. Pp. 141–156.
- Musgrave R.A.* Public Finance and Finanzwissenschaft Traditions Compared // Finanzarchiv. 1996. Band 53. S. 145–193.
- Neck R., Getzner M.* Austrian Government Expenditures: “Wagner’s Law” Or “Baumol’s Disease”? // International Business & Economics Research Journal (IBER). 2007. Vol. 6. No. 11. Pp. 49–66.
- Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. New York: Oxford University Press, 1995.
- Nordhaus W.* Baumol’s Diseases: A Macroeconomic Perspective. Contributions to Macroeconomics // Berkeley Electronic Press. 2008. Vol. 8(1). Pp. 1–39.
- North D.* Structure and Change in Economic History. New York and London: W.W. Norton & Co, 1981.
- Pomp M., Vujic S.* Rising health spending, new medical technology and the Baumol effect, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, December 2008.
- Putnam H.* Truth and Convention: On Davidson’s Refutation of Conceptual Relativism // Dialectica. 1987. Vol. 41(1–2). Pp. 69–77.
- Ritschl H.* Theorie der Staatswirtschaft und Besteuerung, Bonn und Leipzig, 1925.
- Rorty R.* Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
- Rubinstein A.J.* Issues of Price and Subsidy in the Arts in the U.S.S.R. // Journal of Cultural Economics. 1987. Vol. 1. No. 2. Pp. 65–83.
- Rubinstein A.* Finanzierung der Kultur in Russland: Analyse und Mechanismus der Staatlichen Unterstützung. Köln: BRD, «BIOST», 1997.

- Salamon L.* Partners in Public Service: The Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations // *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*, edited by Walter W. Powell. New Haven, Conn.: Yale University, 1987. Pp. 99–117.
- Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. Pp. 387–389.
- Schaffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 3. Aufl., 1. Band, Tübingen, 1873.
- Schmidt K.* Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnisse. In: N. Kloten et al. (eds.). *Systeme und Methoden in den Wirtschafts- und Sozialwissenschaften*. Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag, Tübingen, 1964. S. 335–362.
- Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 1988. Band 108. Jahrgang. Hefl 3. S. 383–403.
- Smith A.* *The Wealth of Nations* (1776). Vol. 2, Everyman's Library, London, 1958.
- Stebbins R.* *Leisure's Legacy: Challenging the Common Sense View of Free Time*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2017.
- Taylor Ch.* Cross-Purposes: The Liberal-Communitarian Debate. In: Rosenblum N. (ed.). *Liberalism and Moral Life*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1989. Pp. 159–182.
- Thaler R.H., Shefrin H.M.* Control // *Journal of Political Economy*. 1981. No. 2. Pp. 392–406.
- Touraine A.* *Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui*. Paris, 2005.
- Verlen B.* The objective perspective // *Society, Action and Space*. L.: Routledge, 1993. Pp. 22–51.
- Wagner A.* *Grundlegung der politischen Oekonomie*, 3. Aufl., 1. Theil, 2. Halbband, Leipzig, 1893.
- Westermarck E.* *The Origin and Development of Moral Ideas*. Vol. 1&2, London: MacMillan, 1912.
- Wicksell K.* Ein neues Prinzip der gerechten Besteuerung. In: *Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens*, Jane 1896; in part translated in R.A. Musgrave and A.T. Peacock (eds.). *Classics in the Theory of Public Finance*. London: MacMillan, 1958. Pp. 72–118.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Препринт научного доклада

А.Я. Рубинштейн

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОДИНАМИКА
И ЕЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ**

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*
Редактор — *Ерзнкян М.Д.*
Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 07.04.2025 г.
Заказ № 1. Тираж 300. Объем 3,2 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН